

A woman with long, wavy red hair is seen from behind, wearing a long blue dress. She is holding a red book or box. In the background, there is a lighthouse on a rocky cliff overlooking the ocean under a cloudy sky.

Голос, спрятанный в молчании.

*Она научила их любить.
Но никто не знал, какой ценой...*

Анастасия Гуторова

Анастасия Гуторова

Голос, спрятанный в молчании

«Литнет»

2025

Гуторова А.

Голос, спрятанный в молчании / А. Гуторова — «Литнет», 2025

Книга попала в шорт-лист конкурса «Семейный портрет». Семья Эванс — воплощение британской мечты, символ успеха и безупречности. Но за фасадом роскоши и благополучия Фет Конли жила в тени, скованная невидимыми цепями. Выйдя замуж за влиятельного Дилана, она получила всё, но взамен заплатила страшную цену — молчание. Молчание о страхе, поселившемся за закрытыми дверями. Молчание о сломленной воле и утраченной идентичности. Молчание, продиктованное детской клятвой, превратившей брак в жертву. Её настоящая жизнь хранилась в потайном ящике — в дневниках, которые прочли только после её гибели. Это не история о сломленной женщине, а о сильном духе, который отчаянно боролся за право быть услышанным. И о страшной цене, которую платит вся семья за годы, проведённые в плену лжи и молчания. В книге есть: Дневники, которые нельзя было читать при её жизни. Семья, где знали правду, но молчали. Обещание, ставшее приговором. Голос, который искал выхода сорок шесть лет.

Прочтите историю родителей, которая определила судьбу их детей. Боль, любовь и жертва Фет стали фундаментом, на котором выросли её сыновья. Хотите узнать, как сложилась жизнь следующего поколения? Вам сюда: «Рецепт нас» (история их сына Сета) «Поворот любви» (история их сына Алфи) «Второй шанс на любовь» (продолжение истории про Алфи) Погрузитесь в сагу о семье Эванс от начала и до конца. Все части можно читать независимо друг от друга.

© Гуторова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Октябрь, 1981	10
Глава 2	11
Глава 3	14
1988-1989 годы, Лондон	18
Глава 4	19
Ноябрь, 1989	22
Глава 5	23
5 ноября 1989	26
Глава 6	27
Глава 7	30
10 декабря 1989	32
Глава 8	33
18 декабря 1989	36
Глава 9	37
Рождественский ужин у Эвансов	40
Глава 10	41
19 декабря....	45
Глава 11	46
Лондон 1989	48
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог

Мы с детства знали о том, что Дилан поднимал руку на Фет Эванс. Это знание было частью нашей жизни, как старый, неудобный комод на чердаке дяди Люка — тяжёлый, пыльный, но неотъемлемый элемент дома, часть её самой.

Мы наивно полагали, что само знание делает нас соучастниками, что, храня эту тайну, мы хоть немного облегчаем её ношу.

Но мы ошибались. *Знать — не значит слышать.*

Настоящее потрясение ждало нас в старой коробке, которую Сет уже собирался выбросить. Среди пожелтевших бумаг и фотографий мы нашли обрывок листка, выскользнувший из потрёпанного блокнота. Это был не детский рисунок, не семейная фотография, а кривые, торопливые строки, написанные отчаянной рукой.

Я прочла вслух, ещё не понимая, что это навсегда изменит нашу память о ней:

«Сегодня он извинялся. Говорил, что больше не повторится. Целовал синяк на моей руке, а я думала о детях в соседней комнате и молилась, чтобы они ничего не поняли...»

Сет замер, а я смотрела на мужа, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Мы знали о синяках, видели их последствия, но никогда не слышали ни единого слова сожаления, ни одного извинения. Никто не знал всей правды, всей глубины её боли.

Как так произошло? Как два человека, когда-то влюблённых, смогли превратиться в двух одиноких, отчуждённых друг от друга существ?

В руках моего мужа был не просто документ, не доказательство — оно и так было очевидно. Он держал в руках одиночество своей матери, её многолетнюю, безмолвную боль, запечатанную в этих кривых строках. Это было свидетельство не только о насилии, но и о полном отсутствии любви, понимания и сочувствия. И эта мысль разрывала наши сердца.

Следующая неделя пронеслась как в бреду, в расколе между двумя реальностями. В одной — наш с Сетом прочный, налаженный мир. В другой — её одинокая, безмолвная вселенная, где слова, словно тихие удары усталого сердца, ложились на бумагу, а каждое предложение было выдохом боли.

Я читала до рассвета, пока глаза не начинали болеть, вгрызалась в строчки, словно пытаясь вырвать из них саму Фет, освободить её из плена этих страниц. Плакала в подушку, чтобы Сет не услышал, и смеялась, прижимая пожелтевшие листы к груди, словно обнимая её саму.

Но самое страшное было не в описаниях боли. Самым страшным было осознание того, как же красиво всё начиналось...

Как юная девушка, верившая в рыцарей и жаждавшая любить за двоих, постепенно стала заложницей системы семьи Эванс, жертвой негласных правил и чужих ожиданий.

Именно Сет, бережно сжимая в руках пожелтевший рисунок рыцаря, предложил перенести эти бесценные записи в компьютер. Сохранить их для памяти, чтобы они не были потеряны навсегда.

А потом пришла идея, которая захватила нас обоих. Не просто сохранить, а рассказать её историю. О её любви, её надеждах, её боли.

«Голос, спрятанный в молчании» — это не просто книга, сотканная из слов и воспоминаний. Это ключ, способный открыть дверь в мир, о существовании которого даже не подозревали. Мир, где за безупречным фасадом семьи Эванс скрывалась безмолвная трагедия, а сердца, казавшиеся счастливыми, томились в заточении. Эта книга — шанс услышать голос, заглушенный годами молчания, и увидеть правду, которая навсегда изменит представление о прошлом и настоящем. Это возможность, наконец, понять, что за этой запертой дверью скрывалась не только боль, но и невероятная сила духа, любовь и надежда, которые продолжают жить даже после трагической гибели Фет...

Глава 1

Айви Эванс

Я долго не знала, с чего начать эту историю. Знаете, что меня поразило больше всего? Мама моего мужа в своих дневниках подробно выписывала диалоги. Словно заранее знала, что её кто-то прочтёт. Или, быть может, так глубоко погружалась в свои воспоминания, что они сами собой обретали форму, голоса и плоть на бумаге.

Мы с Сетом долго спорили. Он настаивал: *«Просто опубликуй её записи»*. Но вышла бы не книга, а хроника, лишённая цельности.

Поэтому мне пришлось стать детективом: я изучила семейный архив, расспросила старых друзей, перечитала письма моей мамы к ней. И только сопоставив все эти разрозненные фрагменты с её дневниками, словно собирая хрупкий, рассыпавшийся пазл её жизни, я, наконец, смогла увидеть картину целиком. Так, из осколков чужого прошлого, родилась эта книга.

Итак, мы начинаем.

Первая запись в дневнике была сделана, когда маме моего мужа было десять лет. Всего несколько строк о переезде.

Дедушка Сета, Питер Конли, был человеком простым и деятельным. Он занимался торговлей и обожал путешествия. Его жена, Реджина, была его полной противоположностью — строгая, но увлечённая преподавательница физики. До самой болезни она была буквально пропитана любовью к своему предмету, к формулам и законам мироздания, и до последнего дня не переставала тосковать по тихому, ветреному городку Портри.

Часто весной она брала Фет с собой и везла её на старинный маяк — место, где дочь отдыхала душой и, кажется, набиралась сил для будущих испытаний...

В Лондон они уехали потому, что Питер видел в этом перспективу — и не ошибся. Вскоре он открыл успешную сеть магазинов товаров для дома под гордым названием *«Конли Хаус»*.

Да, эта деловая жилка, что ярко горела в деде и отце, не обошла стороной и Сета, унаследовавшего её в полной мере.

12 июня 1981 года, Портри

«Вот и всё. Папа сказал — переезжаем. В Лондон. А у меня тут всё: и озеро, и маяк, и Лора с Сарой... А там никого нет. Одни незнакомцы. Лора сказала, что в Лондоне скучно и всё серое. Значит, и я теперь буду серая и скучная. Прощай, мой маяк... Ой, папа опять кричит, чтобы я не мешкала. Ладно, хоть с тобой, дневник, можно поговорить. Если не забуду тебя в этой суматохе».

Я закрыла блокнот и спустилась к отцу. Он крепко обнимал маму, а её взгляд был прикован к оконному стеклу, за которым угадывались последние, расплывчатые очертания озера. Мы прощались не просто с домом, а с целой эпохой — с моим детством, навсегда оставшимся в этих стенах: с первыми шагами, с беззаботными прогулками по пляжу, с оглушительным смехом подруг. Всё это нужно было оставить позади.

Папа, как всегда, горел своей мечтой, словно маяк в тумане. А мечту, как он сам твердил с непоколебимой уверенностью, на полпути не бросают.

Я всегда была послушной дочерью. Моим миром были книги, рисование и тихие грёзы. Чтение стало для меня глотком свободы. Бывало, закончив очередную сказку, я усаживалась на лужайке, слушала пение птиц и уносилась в выдуманные вселенные.

Мне дали полную свободу — никто не пытался сделать из меня учительницу или экономиста. В нашей семье ценили личный выбор, и это было настоящим, тихим счастьем, за которое я всегда была благодарна.

В тот день я впервые летела на самолёте. Но внутри не было ни привычного детского страха, ни даже волнения — лишь бездонная, ледяная пустота. Я смотрела в иллюминатор на бескрайнее, однообразное серое небо. Какое же оно было чужое, совсем не такое, как всегда живописное, полное красок небо Портри. И всё, что ждало меня впереди, — это долгое, жаркое лето в шумном, чужом, незнакомом городе.

Однако Лондон встретил меня не угрюмой серостью, а ошеломляющим вихрем движения. Столько людей! Непривычная суета оглушила. Родители купили небольшой домик на *Глендон-Гарденс*, похожий на жилище гнома из моих скандинавских сказок.

Чувствовалось, как мама старалась, чтобы я хоть чуть-чуть ощутила себя как дома. Мне досталась большая светлая комната. А папа подарил мне целую библиотеку — огромную коллекцию книг. Там были и сказки народов мира, и детские энциклопедии с рыцарями, и различные повести. Я могла часами рассматривать картинки с замками и читать истории о принцах и принцессах. Так, среди книжных полок, и началась моя новая жизнь.

Школа «*Хайгейт*» осенью не встретила меня с распростёртыми объятиями. Я не стала объектом травли — просто превратилась в невидимку. Тихую мышку. Дочь учительницы.

Элитная школа, дети состоятельных родителей... Все смотрели на меня свысока. Что ж, провинциалка, скромно одетая, не в их вкусе. Зато с книгой в руках и целым миром в голове.

Но меня это не огорчало. Я любила учиться. И, несмотря на одиночество, продолжала всем улыбаться. Улыбка — это ведь проявление хороших манер. Мама учила меня быть леди, и для этого не нужны были дорогие платья.

15 октября 1981 год, Лондон

«Мама купила мне книгу Джилл Мёрфи «Самая плохая ведьма». Я проглотила её залпом, зарывшись с головой в мягкие подушки. Милдред Хаббл — она такая же неуклюжая и нелепая, как и я! У неё постоянно торчат косы, кот вечно пропадает, а зелья взрываются с грохотом, но в конце концов всё равно всё всегда получается, словно по волшебству. Мама, увидев, как я целыми днями ношусь по дому со шваброй вместо метлы, купила мне целую кучу разноцветных ручек и блокнотов с рисунками Милдред. Я часами напролёт играла в своей комнате, представляя, что я — настоящая волшебница из Академии мисс Кэкл, и у меня тоже есть свой говорящий кот. Уверена, что где-то глубоко внутри меня тоже живёт капля магии, просто я пока не умею её использовать... Но всё ещё впереди! Кажется, я теперь точно знаю, кем буду на Хэллоуин».

Школьный зал преобразился до неузнаваемости, став порталом в мир Хэллоуина. Запах воска для паркета смешался с умопомрачительным ароматом яблочного пирога и едким, терпким дымком от сухого льда, который кто-то из старшеклассников умудрился добыть Бог весть где.

Всё вокруг было усыпано самодельными призраками из простыней, на которых фломастерами нарисовали нарочито глуповатые, смешные рожицы. Чёрно-оранжевые гирлянды из бумаги и фольги болтались над головами, поблёскивая и переливаясь в свете главного чуда вечера — диско-шара. Он медленно вращался, словно волшебное око, усеивая танцующих детей тысячами блёсток света. На стенах порхали вырезанные из картона летучие мыши, а в углах светились озорные тыквы-фонарики. Стол для угощений буквально ломился от жутковатых леденцов «Кровавые пальцы», тягучих ирисок и сочных яблок в карамели.

И вот я среди этой суматохи. В самодельном костюме, в маминой старой чёрной юбке, перетянутой поясом, и со шваброй-метлой в руке. Я — Милдред Хаббл, «самая плохая

ведьма». И пока диско-шар мечет по стенам осколки света, а из колонок гремит «Ghost Town», я чувствую, как та самая капля магии внутри меня наконец-то просыпается. Ведь в мире, где можно быть Плохой Ведьмой, возможно всё.

— Привет, сестра-близняшка! Костюм хороший. Сама делала? — кудрявая черноволосая девочка протянула мне яблоко на палочке.

Она стояла в похожем наряде, только сшитом куда старательнее. Её колпак был усыпан пластиковыми пауками, а на носу фломастером был нарисован аккуратный чёрный круг, совсем как нос кота.

— У тебя тоже отличный, — выдохнула я, принимая угощение. — Я Фет Конли.

— А я Лесли Бейли, — ответила она, и в этот миг, среди всей этой бутафорской магии, я поняла, что встретила настоящую родственную душу.

В тот вечер мы ели конфеты и пытались заколдовать всех плохих мальчиков.

Так началась наша безумная дружба. И первые школьные годы в Лондоне прошли под девизом: *«Мы же ведьмы, нам можно всё!»*. Её мама преподавала историю и стала лучшей подругой моей мамы.

Пикники, поездки в Портри... Лесли стала мне сестрой. Моей опорой. Как инь и ян. Я — тихая, или, как она говорила, «белая ведьма», а она — чертовски чёрная злодейка.

Мы часто ночевали друг у друга, рисовали до рассвета, делили книги, взахлёб смотрели фильмы про ведьм и в предвкушении ждали каждый Хэллоуин.

Мы никогда не ссорились и всегда были вместе: сидели за одной партой, обедали за одним столом, вместе поднимались на школьную сцену и основали свой читательский клуб.

Три года лёгкого безумства. Три года, которые стали для меня лучшими после переезда. Лесли стала моим новым маяком — и, кажется, она всей душой полюбила его, когда впервые увидела Портри.

Мы с нетерпением ждали свои четырнадцать. Мой день рождения был летом, её — осенью... Но если я просто мечтала о будущем, позволяя фантазиям свободно течь, то она словно торопила его, подгоняла время. Будто знала какой-то сокровенный секрет, о котором мне пока категорически нельзя было рассказывать.

Октябрь, 1981

«Мы же ведьмы, нам можно всё!»

Глава 2

10 июня 1985 года, Лондон

«Сегодня мне исполнилось четырнадцать.

Утро началось с поздравлений родителей и пронзительного звонка дискового телефона. Этот звук навсегда разрезал мою жизнь на «до» и «после».

Позвонила мама Лесли... Моя подруга в больнице... Всё замерло. Я смотрела на маму, а её губы двигались, произнося что-то утешительное, но до меня доносился лишь отдалённый гул. Красное платье, которое только что висело на стуле — символ дня, которого теперь не будет, — казалось теперь кричаще-алым пятном, пятном беды. Каникулы... У моей Лесли теперь не будет никаких каникул...»

Мы примчались в Хаммерсмит. Я всё ещё надеялась, что она просто простыла. Но все знали: в эту больницу попадают с самыми сложными случаями. Мама держала меня за руку, пока папа пробивался через пробки.

Я лишь молилась, чтобы с моей подругой всё было хорошо. Мы только вчера вечером зависали на телефоне; мама даже ругала меня, что я вечно запутываю длинный шнур от трубки.

Так было всегда, когда звонила Лесли, — я не могла сидеть на месте и постоянно расхаживала по кухне, заливая комнату смехом от её шуточек.

Солнце спряталось за облака, когда мы вышли из машины. Я шла быстро, почти бежала за родителями, а их взволнованные лица пугали меня всё сильнее.

Длинные, безликие коридоры, насквозь пропахшие резким антисептиком, и вид сосредоточенных, но уставших врачей, что безмолвно скользили мимо, — всё это внушало леденящий, парализующий страх. Но где-то глубоко внутри ещё теплилась крошечная, отчаянная надежда.

Заходя в отделение, мои глаза невольно зацепились за табличку: «Онкология». В тот же миг стало так невыносимо больно, словно мне вырвали сердце. Я, обняв себя за плечи, поплелась за мамой.

Увидев маму Лесли — сгорбленную, с опухшими от слёз глазами — я бессильно прижалась к холодной стене, сжав губы так сильно, что заныли скулы. Они обе плакали, не скрывая горя. И я уже не смела придумывать себе никаких хороших исходов.

А потом, вопреки всему, вышла моя Лесли. Бледная, до прозрачности, но с той самой неукротимой улыбкой, что всегда озаряла всё вокруг.

— Эй, у кого-то тут день рождения, а вы ревёте!

Я подбежала и впилась в неё. Лесли зашептала мне на ухо поздравления и наши ведьмовские заклинания. Моя Милдред Хаббл, моя любимая подружка. Всегда на волне позитива. Она громко запела «Sweet Dreams» Eurythmics — песню, в которую мы влюбились, как только она вышла в январе, наш личный гимн.

Но тут вышел седовласый доктор и отругал её за нарушение постельного режима. Лесли демонстративно закатила глаза, но потащила меня в палату. Белое, стерильное помещение, пропитанное едким запахом спирта, заставило меня снова съёжиться. В её палате было слишком пусто, слишком холодно и слишком очевидно, что она здесь надолго...

Мы устроились на кровати, обнявшись. Я смотрела в приоткрытую дверь на наших мам, которые вытирали слёзы и о чём-то тревожно шептались.

Лесли гладила меня по спине.

— Ну, и где мой торт? — усмехнулась она.

— Тебя не выпишут? — приподнялась я.

Лесли вздохнула, и слёзы покатались по её щекам.

А я наконец поняла: это что-то серьёзное. Не простуда.

— У меня рак... Моя кровь не годится для ведьмовских игр. Я...

— Моя милая Фет, я забыла тебя поздравить, — перебила её вошедшая миссис Бейли, мама Лесли.

Она обняла меня, крепко прижала к себе и поздравила с днём рождения. Не такой я хотела этот праздник. Не такими я представляла свои четырнадцать. У нас были совершенно другие, грандиозные планы! Родители купили нам билеты в Париж. Мамина подруга должна была взять нас под своё крыло. Мы собирались обедаться французскими вредностями, учиться колдовать, как настоящие ведьмы, и обязательно влюбиться. Найти самых красивых французских парней и беззаботно тусить с ними по улицам города...

Но моё лето прошло в ежедневных визитах в больницу. В конце июня мы с Лесли превратили её палату в наш собственный Париж. Развесили по стенам постеры с Эйфелевой башней, картинки с Монмартра и принесли книги на французском. У меня был ярко-красный берет, у неё — элегантный чёрный. Мы читали вслух историю Франции, смеялись, пытаюсь заглушить страх, а потом приходила медсестра. Она осторожно клеила пластырь на её тонкую руку, к которому крепилась длинная трубка от пакета с прозрачной жидкостью. Лесли называла это «зельем от вредности», и даже тогда она старалась улыбаться. Но я видела её взгляд — испуганный до глубины души.

А потом наступал «метод очищения ведьмы», как мы это называли.

— Кажется, врачи пытаются отравить мою чёрную ведьму, — Лесли говорила сквозь спазмы, и её голос был изломан болью. А я, сжимая в дрожащих руках металлический тазик, плакала, пока её выворачивало наизнанку.

Я приезжала к ней каждый день. Была рядом, когда с её головы осыпались последние блестящие чёрные кудри, теряя свою магию. Даже когда её совсем выматывало, когда силы покидали её хрупкое тело, она просила: *«Почитай ещё...»*. И я читала, монотонно, сквозь ком в горле, а она слушала, и сквозь смертельную усталость пробивались её старые, знакомые шутки — то колкая реплика, то ворчание про очередного напыщенного герцога из наших любимых романов.

Когда она засыпала, я подкрадывалась к двери и ловила обрывки разговоров врачей: «ремиссия», «лейкоциты», «костный мозг»... Я не понимала этих чужих, страшных слов, но по тревожному тону взрослых догадывалась, что «ремиссия» — самое желанное и волшебное из них. Сильнее любого нашего детского заклинания.

Во мне клубились безнадёжность и надежда. От некоторых палат пахло слезами, горем, а из других доносился смех — туда приходили бывшие пациенты, уже здоровые. Они были живым, осязаемым доказательством, что выход есть. Что магия существует.

И я отчаянно надеялась...

Мы продолжали путешествовать по воображаемым странам, меняя плакаты на стенах. Перечитали всю мою библиотеку. Я делала за неё домашнюю работу, рассказывала о школе. Мы даже отметили её день рождения. С капельницей. Лесли прилепила скотчем к ней маленькую свечку. Таким был её праздничный торт.

Потом прошли Хэллоуин, Рождество, Новый год и моё пятнадцатилетие — всё это мы встретили в больнице. Родители не ругали меня за то, что я пропадала там. Наоборот, гордились, что я и в школе лучшая, и до самого отбоя провожу с ней время. По сложившемуся ритуалу, папа вечером забирал меня, а после уроков я сама добиралась на автобусах. Заходила в газетный киоск, покупала красивые открытки с видами Лондона и писала на них пожелания для Лесли. Их собралось много. Мы даже соорудили специальную коробку, где хранились открытки, та самая свечка и другие мелочи, скрашивавшие её лечение.

— Ну что, взрослая подружка, — начала она, держа меня за руку. — Я ничего банального тебе желать не буду. Но пообещай мне...

Я перебила её, всё ещё надеясь, что она войдёт в ремиссию.

— Так, ничего обещать не буду.

— Дай договорить, Фет Конли. Сядь ты уже.

Я присела ближе. Её тонкая рука крепко сжимала мою.

— Пообещай, моя светлая ведьма, что будешь любить за нас двоих. Несмотря ни на что. Любить и дарить эту любовь. За себя и за меня.

Слёзы потекли по моим щекам. Моя подруга, так и не познавшая любви, просила меня о таком, от чего боль пробивала насквозь. Сердце разрывалось от чувства несправедливости.

Нет, мы вместе будем любить. Никак иначе.

— Так, чёрная ведьмочка, ты будешь здорова. И я ещё буду радоваться за твои отношения.

— Да... да... Ну, дай мне уже договорить... О, пока не забыла... колпак ведьмы... тот, что мы облепили пластилиновыми пауками, отдай мне...

— Конечно. Я его принесу, встретим в нём Хэллоуин.

— Конечно, встретим. Только помни про мои слова... Люби за нас двоих...

Мы так и не надели костюмы в 1986 году. Лесли не стало в канун Дня всех святых, в самую колдовскую ночь, как будто её, настоящую ведьму, забрали свои.

Я помню тот звонок, словно это было вчера. Папа купил новый радиотелефон, и он стоял на своём обычном месте в гостиной. Приятная, ничего не предвещающая мелодия — и страшная, обжигающая новость. Крик мамы, полный отчаяния, наверное, слышали все в округе. А я сидела, словно парализованная, и смотрела на наши с Лесли фотографии на стене. Плакала беззвучно, не чувствуя слёз, только пустоту. В голове, словно заезженная пластинка, крутились её последние слова. Я только помню, как в комнату вбежали мама и папа, их лица были искажены горем. Они сели по обе стороны, словно крылья, и обняли меня, а сами рыдали, не сдерживаясь. А я лишь смотрела на фотографии, и мои слёзы, безмолвные и тяжёлые, падали на пол, оставляя тёмные пятна.

На похоронах я положила в её гроб тот самый колпак и нашу коробку с открытками и мелочами. И только в тот момент, когда крышка начала опускаться, меня пронзила такая острая, невыносимая боль, словно прошёл шок, и наступила жестокая, оглушающая реальность. Она ударила жаром в лицо. Запахом лилий, которые Лесли так любила. Я рухнула на холодный пол и закричала, истошно, разрывая тишину.

Я держалась все эти дни, но боль оказалась сильнее меня...

Я обещала ей не плакать, если она умрёт. *И не сдержала слово.*

Но больше я не могла её подвести. Любить за двоих я буду всегда... Как она просила. Моя ведьма, моя Лесли Бейли. Моя лучшая подруга, которая так и не узнала, что такое настоящая, земная любовь.

Так что я буду любить, несмотря ни на что...

25 декабря 1986 года, Лондон

«Прости, что не писала так долго, мой дорогой дневник. Не могла. Просто не была готова выпустить слова наружу, даже для тебя.

А теперь... Теперь я учусь. Много читаю. Гуляю одна по Лондону и шаг за шагом открываю его заново.

Я твёрдо решила поступать в колледж, поэтому все силы бросила на учёбу. Помогаю папе в магазине — коплю на обучение. И, к собственному удивлению, выигрываю олимпиады, доказывая себе, что я ещё на что-то способна.

А каждую субботу приезжаю к маме Лесли. Мы смотрим фильмы и готовим её любимый тыквенный пирог. И на какое-то время мне действительно кажется, что она вот-вот войдёт в комнату, смеясь, и возьмёт с блюда самый большой кусок, как делала всегда.

...С Рождеством тебя, Фет Конли.

С Рождеством, Лесли Бейли.»

Глава 3

18 августа 1988 год, Лондон

«Кажется, я тебя окончательно забросила. Столько всего произошло за эти годы, хотя, по сути, ничего по-настоящему стоящего. Ну, не буду же я тебе писать про одну только учёбу! Со всеми одноклассниками я в отличных отношениях, но на вечеринки не хожу. Хэллоуин теперь — наш уютный семейный ритуал: мама, папа, тыквенный пирог, фильмы и много смеха. Лесли бы точно одобрила. Сегодня мама наконец-то безоговорочно поддержала моё решение учиться в колледже Илинг. Я уже зачислена! Ура! Я поняла: литература — это моё призвание, моя страсть. Так что, возможно, теперь я буду писать тебе чаще...»

Первый день в колледже оглушил меня с порога. Это был настоящий калейдоскоп звуков и визуальный взрыв моды, словно я оказалась в живом каталоге «Бурда». Ребята в клетчатых рубашках и потёртых джинсах-клёш горячо спорили о песне Tracy Chapman «Fast Car»; девушки в ярких легинсах и пышных юбках щебетали о скандальном эпизоде «EastEnders»; и повсюду — кричащие самодельные плакаты с призывом помочь бастующим шахтёрам.

Я сжимала свой новый, пахнувший кожей портфель — родительский подарок, полный надежд. В этот день я чувствовала себя и затерянной песчинкой, и окрылённой птицей. На первую зарплату, заработанную в папином магазине, я купила строгий блейзер с подплечниками и юбку-карандаш — мой первый доспех взрослости. Туфли-лодочки выстукивали по шеробатой брусчатке чёткий, неумолимый ритм, который я отчаянно пыталась вбить в собственное сердце.

Внутри, среди конспектов, покоился мой дневник. Белый, как чистый лист, украшенный Милдред Хаббл. Он уже хранил первую запись: *«Лесли, ты бы рассмеялась, но я изо всех сил стараюсь выглядеть на сорок, чтобы меня не проглотили здесь заживо».*

Мы же мечтали об этом университете вместе. И наша мечта сбудется. Теперь я жила за двоих. И этот дневник стал нашим тайным храмом знаний, где дружба обрела бессмертие.

Мой первый урок, «Введение в английскую литературу», проходил в старом корпусе. Преподаватель, почтенный мужчина с седыми бакенбардами, с глубоким чувством прочёл нам строки из Джона Мильтона, «Потерянный рай»:

«В любви ищи радостей, не в страсти, в которой нет настоящей любви. Любовь облагораживает мысли, возвышает душу, она основывается на разуме и благоразумна; она послужит тебе лестницей, по которой ты можешь возвыситься до любви небесной, если не погрязнешь в чувственных наслаждениях...»

Мой взгляд блуждал по золоту осенних клёнов за окном, а мысли уносились в Портри, к маяку, к Лесли. Странно, но лишь через строки давно ушедшего поэта горечь утраты вдруг обретала чёткие контуры, становилась почти осязаемой. И её последняя просьба, которую я хранила, словно сокровище, открывалась мне в новом, пугающем свете.

В школе я никогда не стремилась к встречам с мальчиками, хоть и предложений хватало. Моё сердце принадлежало книгам. Шуму ветра. Безмолвию долгих, уединённых прогулок. Конечно, их внимание было приятно, но на это просто не было времени. *«Быть может, здесь я обрету нечто большее»*, — мелькнуло в сознании. Я окинула взглядом своих шумных, ярких однокурсников и с горечью усмехнулась: на их фоне я казалась самой настоящей мамой.

Прослушав лекцию о смысле любви и веры, я неспешно спускалась к выходу, когда вдруг меня резко взяла под руку невысокая девушка с чёрными длинными волосами, утончённой внешностью, в красивом чёрном платье в горох. Я опешила, едва не споткнувшись.

— Не тормози! Тут один несносный лорд пытается меня на свидание пригласить, а я совершенно не хочу, — выпалила незнакомка, ускоряя шаг. — Я вообще не в ту аудиторию зашла.

Её серые глаза умоляюще посмотрели на меня, а потом она рассмеялась и тихо буркнула:

— Притворись, что тебе тоже смешно.

Я неуверенно хихикнула, выдавив из себя подобие смеха.

— Ты вообще смеяться умеешь? — улыбнулась она и снова залилась смехом.

Я пыталась изобразить веселье, остро ощущая, как все взгляды прикованы к нам. Яркая, искрящаяся девушка и я — в своём костюме сорокалетней дамы.

Когда мы вышли на улицу, она продолжала тащить меня через кампус. Потом, оглядевшись и убедившись, что парень не увязался, выдохнула с облегчением.

— Одетт Морель, — она поправила своё платье, слегка потеревив подол.

— Фет Конли.

— Будем дружить, — решительно заявила она. — Ты на литературе?

— Ну да... А ты?

Она снова осмотрелась.

— Юридический. Буду защищать светских леди от назойливых кавалеров, — подмигнула

Одетт. — Сколько у тебя ещё пар?

— Ещё семинар, и всё.

— У меня тоже. Значит, есть время для обеда. Голодна?

— Не особо...

— На диете? — она осмотрела меня с ног до головы. — Костюмчик у тебя топ.

И меня словно встряхнуло. Она так напомнила мне Лесли. Только напористее и взрослее.

— Судя по взглядам других, я выделилась, — смущённо призналась я.

— Забей. Пошли обедать, у нас вся студенческая жизнь впереди. А на голодный желудок учиться сложно.

Моя новая подруга Одетт оказалась ярчайшей вспышкой в Илинге. Первый год я не вылезала из библиотеки, с головой уходя в «Грозовой перевал» и Вирджинию Вулф, яростно споря на семинарах о феминизме у Маргарет Тэтчер. А вечерами меня затягивало в водоворот жизни, которую вела Одетт.

Своё восемнадцатилетие мы встретили не в Лондоне, а в Биаррице — её родители, самые замечательные люди, приняли меня как родную дочь. Её отец, смеясь, часто говорил, что я — тот самый якорь, ради которого их безбашенная дочь немного сбавляет скорость на крутых виражах.

А я лишь вдохновлялась нашими безумными проделками. Мы прорывались на светские вечера к её друзьям в Челси, где спорили о последнем клипе Дэвида Боуи; тряслись на задних рядах на концертах «The Cure», заливаясь вселенской тоской под «Boys Don't Cry», и постоянно экспериментировали с модой: то выражались в подплечники и юбки-карандаш, создавая образ «деловых акул», то уже на следующий день меняли их на рваные джинсы и кеды, чтобы походить на Кейт Буш.

Прошёл год, и когда на календаре вновь появился Хэллоуин, я с удивлением поняла, что готова встретить его не со слезами, а с вызовом.

31 октября 1989 года, Лондон

«Три года как тебя нет... Три года я с замиранием сердца смотрю на цифры календаря и вспоминаю тот звонок. Наши с тобой посиделки. Мне кажется, ты рядом.

Даже Одетт... Она мне послана тобой, я уверена. И ты бы её оценила.

Три года я ем яблоки в карамели и перечитываю нашу книгу. Моя ведьма... Я ску-чаю...»

— Эти лосины — перебор? — пробормотала я, пытаюсь стащить с себя кричащий наряд, но Одетт уже включила на магнитофоне свою любимую Вапагама.

На мне теперь были ярко-розовые лосины, поверх них — чёрная кожаная юбка-мини, майка-балахон с рваным вырезом, множество чёрных резинок на шее и запястьях, серьги-перевёрнутые кресты и белые кеды. Ну и, конечно, волосы, вздымающиеся сильным начёсом. Вот образ, который она мне выбрала.

Одетт же блистала в фиолетовых лосинах, клетчатой мини-юбке, облегающем топе, кожаном жилете и сетчатых перчатках.

Мы схватили бигуди, превращая их в импровизированные микрофоны, и отчаянно танцевали, подпевая припеву «Venus». А затем её друг пригласил нас в паб «Три подковы». Это было место паломничества множества наших студентов, и для меня — совершенно новый мир.

Добирались на метро. Взгляды прохожих не пугали — наш вагон был забит под завязку ведьмами, инопланетянами и такими же, как мы, яркими, вызывающими созданиями.

«Три подковы» оказался храмом всего самого нового и оглушительного. Стены, плотно обклеенные афишами никому не известных групп, буквально вибрировали от грохочущих басов. Здесь не танцевали парами — здесь толкались в такт, перекрикивали друг друга через весь зал, приветствуя знакомых, и яростно спорили, кто круче — «The Smiths» или «The Cure».

К нам сквозь толпу пробрался её друг — высокий брюнет с повязкой на голове, в растянутой майке и с нарисованными фломастером «вампирскими» шрамами.

— Майкл Маршалл к вашим услугам, он же внучатый племянник Дракулы, ры-ры-ры, — он оскалил пластиковые клыки, соорудив страшную гримасу.

Одетт фыркнула и стукнула его по плечу.

— Мак, прекрати пугать мою слишком чувствительную подружку.

— Ладно, ладно, не буду.

В колонках заиграла «Totally Wired» группы «The Fall», и Одетт, подхватив меня, принялась выкрикивать слова песни, вздымая руки к потолку. Мы танцевали и смеялись в самом эпицентре этого безумия, среди оборотней, вампиров и прочей нечисти, забыв обо всём на свете.

— Я пойду выпью, — крикнула я Одетт на ухо, едва перекрикивая музыку.

Я протиснулась к барной стойке. Рядом, совершенно не вписываясь в пестроту праздника, возвышался парень. Его серые глаза моментально, как хищник добычу, оценили меня. Чёрная рубашка, русые волосы идеально зализаны назад, клетчатые брюки, туфли, выбивавшиеся белыми носками. Воздух вокруг него дрожал от дорогого парфюма. Он поднёс пухлые губы к стакану, сделал глоток и резко поставил его на стойку.

— Зачётный костюм. Кто ты? — голос прозвучал, как вызов.

— У вас тоже интересный, — парировала я, не опуская взгляда. — Кажется, вы ошиблись шабашем.

— Не люблю показушную клоунату, — его тембр завораживал. А глаза впивались в меня так, что мне стало не по себе.

— Я Керен Вудворд, из группы...

— Вапагама, — перебил он.

— Да. А вы? Принц или лорд?

— Дилан Эванс.

— Какой-то герой из книги?

— Нет. Я просто Дилан, — его самоуверенность прожигала насквозь.

— О, и ты тут! — Одетт хлопнула его по плечу. — Знакомься, это самый занудный и заносчивый мужчина на всём потоке бизнес-управления.

— Спасибо за лестную характеристику, Одетт. Жаль, я не так красноречив. Был рад видеться. Помнишь про день рождения? — спросил он её, не отрывая от меня взгляда.

— А можно я с ней приду? — Одетт бросила на него умоляющий взгляд, а я ощутила, как меня обдало жаром стыда.

— Без проблем. Буду ждать тебя, Керен...

Я перебила его.

— Фет.

Он усмехнулся и ушёл. А я уже и пить не хотела.

— Что, залипла? Понравился? — подскочила Одетт.

— Что? Нет... Просто странный.

— В этом и есть весь Дилан, — пожала плечами Одетт. — Строгий парень, мечтающий покорить мир.

Одетт снова пустилась в пляс, а у меня в голове неотступно крутился его образ. Он был похож на Хью Гранта — с той же харизмой, опасностью во взгляде и загадочностью, от которой по коже бегали мурашки.

Я отмахнулась от наваждения. И с головой пустилась в пляс, смеясь и танцуя до самого утра. Это был мой первый Хэллоуин, прожитый не в темноте, а наполненный светом. Как *она* и просила. Как я и обещала.

1988-1989 годы, Лондон

Фет Конли

Одетт Морель

Фет и Одетт

Дилан Эванс и Фет Конли

Глава 4

5 ноября 1989 года, Лондон

«Целый день пролетел в суматохе магазинов. Сегодня — день рождения Дилана Эванса, и мы с Одетт, по её утверждению, предстанем перед самой лондонской элитой. Как же хорошо, что в нашем с Одетт споре о выборе платья я всё-таки выиграла! Моя подруга, конечно, настаивала на чём-то более кричащем, но я терпеть не могу выделяться из толпы».

Мама, как всегда, бережно убрала мои волосы, ставшие за этот год длиннее и послушнее. Пшеничные, с лёгкой рыжинкой, они наконец-то поддались и легли в изящную причёску. В зеркале на меня смотрела уже не та девчонка-студентка, которой я себя помнила, а... уверенная в себе, по-настоящему красивая девушка. Всего лишь лёгкие стрелки, едва заметный взмах туши и капля нюдовой помады. И оно — моё спасение — длинное платье цвета лесной хвои, мягко струящееся складками при каждом движении, словно река. Оно было абсолютно неброским, но именно в его сдержанной простоте заключалась та сила и уверенность, которой мне так катастрофически не хватало.

— Моя леди, — мама поцеловала меня в макушку.

— Серая мышка, — улыбнулась я.

— Зелёный тебе идёт, — отец, стоявший в проёме, одобрительно кивнул. — Мне тебя забрать?

— Нет, пап. Отец Одетт заедет за нами поздно вечером.

— Береги себя, милая. И будь примерной девушкой. Про семью Эвансов я слышала много хорошего...

Папа, увидев волнение мамы, тут же подошёл, обнял её за талию и с гордостью произнёс:

— Реджина, наша малышка — самая воспитанная девушка, чего ты переживаешь?

Я лишь улыбнулась. Волнение подкатывало к горлу, обволакивая, словно густой туман. Это был не просто ужин, не обычные посиделки в кафе или наши шумные дебаты в пабах. Это был мой первый выход в *тот самый свет*.

Я мучительно размышляла над подарком для человека, который, очевидно, никогда не привык считать деньги. Одетт, недолго думая, прикупила ему дорогие часы. А мне это казалось до банальности скучным. Дарить то, что можно просто купить, такому человеку — бессмысленно. Я перебирала в уме десятки возможных вариантов, и все они казались неправильными...

А потом меня вдруг осенило: а что, если просто нарисовать ему открытку? С морем и маяком в Портри. Ведь море — большое, бескрайнее, символ свободы. А он, как сказала Одетт, мечтает покорить мир. Пусть посмотрит, как выглядит эта самая свобода. И, чтобы мой жест не выглядел совсем уж голословным, я приложила к ней винтажное издание *«Старика и моря» Хемингуэя*. Не понравится — выбросит. Но моё море... его не выбросишь.

На улице нас уже ждал красный *BMW 3-й серии* мистера Мореля. Отец Одетт коротко помахал моим родителям. Моя подруга выглядела безупречно, как всегда: строгое чёрное платье, обнажающее плечи, поверх которого был накинут жаккардовый кардиган с золотыми пуговицами, сверкающими в сумерках. Длинные волосы, обычно распущенные, были убраны в элегантный, продуманный пучок. *«Мы точно две ведьмочки»* — в голове мелькнуло воспоминание о Лесли.

— Дева Мария, ты выглядишь, как леди из далёкого прошлого, — усмехнулась Одетт.

И всё во мне внутри съёжилось. Её мнение всегда било точно в цель. Я и сама постоянно искала в себе изъяны, но сегодня... сегодня я впервые чувствовала себя собой. Мой наряд был тихим, но уверенным. Он не кричал о принадлежности к их миру. Он просто был мной.

Я вздохнула.

— Переодеться?

— Ты когда-нибудь начнёшь воспринимать мои комплименты как «вау, детка, ты прекрасна», а не как «что-то снова не так»?

— Так, девочки, время! — перебил нас мистер Морель. — Мне ещё нужно успеть на встречу.

Он открыл мне дверь машины, и я устроилась на заднем сиденье, прижимая к себе подарок. Одетт села рядом.

— Волнуешься? — мягкий вопрос Одетт прорвался сквозь мои мысли.

— Немного, — ответила я, не отрывая взгляда от танцующих огней за окном. Мой слух улавливал её беззаботный щебет о новой коллекции Jean-Paul Gaultier и планах на Биарриц, но внутри меня всё сжималось от страха. А вдруг я действительно не впишусь? Не стану частью этой их «тусовки»?

Закрыв глаза, я представила маяк в Нейс-Пойнт: вот я сижу на обрыве, Атлантика с грохотом бьётся о подножие скал, ветер треплет волосы, щекошет шею...

Как же я скучаю по дому.

— Эй, мы почти приехали, — Одетт коснулась моего плеча. — Выдыхай. И не отходи от меня далеко. Я не дам тебя в обиду.

Я лишь кивнула.

Машина замерла, и мистер Морель открыл мне дверь. Холодный воздух Челси резко вдохнул в меня реальность. Я представляла себе старинный особняк в Суррее, но мы прибыли к шикарному таунхаусу с дверью из тёмного дерева, за которой уже бился ритм диско-фанка.

Я переступила порог и... замерла. Гостиная гудела от голосов и смеха. Золотая молодёжь Лондона, словно персонажи модного журнала, заполняла пространство: девушки в минималистичных чёрных платьях, парни в идеально скроенных пиджаках цвета бургунди, с привычной лёгкостью поднимающие бокалы с шампанским. Их смех был громким, уверенным, а взгляды — быстрыми, словно рентген. Моё платье цвета хвои, такое уютное дома, вдруг показалось мне провинциальным и неуместным.

Одетт, словно хозяйка положения, уверенно повела меня через зал, рассекая толпу своей грацией. У старинного камина стояло трое парней. Внезапно Дилан обернулся — его взгляд, холодный, цепкий и до странности знакомый, сразу же выхватил меня из полумрака шумной комнаты и замер, выжидаяще.

— Привет, взрослый мальчик, — Одетт встала на цыпочки, оставив звонкий поцелуй на щеке Дилана. Она окинула взглядом застывшую троицу и фыркнула: — Эй, вы чего все, как на подбор? Расслабьтесь, это же вечеринка!

— Прости, — Дилан оторвал взгляд от моего лица, перевёл его на подругу, а затем вновь вернул ко мне. — Знакомься, это Бернارد Патель, а это...

— Твоего братика я и так отлично знаю! — Одетт без церемоний заключила в объятия третьего парня. Да, он был похож на Дилана, но его улыбка была такой открытой и такой... доброй.

— Люк Эванс, — его голос был мягким, а губы едва ощутимо коснулись моих пальцев, когда я неуверенно протянула руку.

— Где ваши манеры, джентльмены? — Одетт упёрла руки в бока. — Даже выпить не предложите?

Дилан усмехнулся и жестом подозвал официанта. Он взял с подноса два бокала. Первый протянул Одетт. Второй — мне. Наши пальцы оказались так близко, что я почти почувствовала его тепло.

— Я не пью, — сорвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Он не убрал руку, бокал всё ещё висел в воздухе между нами, а его взгляд стал ещё более пристальным.

— Совсем? — он чуть наклонил голову, изучая меня. — Или просто не хочешь пить за мои двадцать один?

— Совсем, — прошептала я, чувствуя, как краснеют щёки. — Я бы... выпила сока.

Взгляд Дилана, острый и холодный, задержался на мне на мгновение дольше, чем следовало. Затем, с какой-то нарочитой медлительностью, он вернул оба бокала шампанского на поднос.

— Тогда пройдем на кухню, — его голос был ровным, но в нём звучала непреклонная решимость, от которой у меня перехватило дыхание.

Я панически оглянулась на Одетт, ища спасения, но она уже беззаботно хохотала над Люком, полностью выключившись из нашей ситуации.

— Я подожду, — выдавила я, чувствуя себя пойманной в ловушку.

Но его пальцы уже обхватили моё запястье. Не больно, но с такой силой, что мне оставалось только подчиниться. Он повёл меня через зал, и я, словно марионетка, поплелась за ним, чувствуя, как волны осуждающих, любопытных взглядов обрушиваются на мою спину. Шёпот замирал, а затем, словно эхо, возобновлялся с новой силой за нашими спинами. Обрывки фраз, тихие усмешки — всё это заставляло меня гореть от стыда. Каждый шаг казался испытанием, каждый сантиметр пути — раскалённым полем.

На кухне его пальцы разжались. Без лишних слов он взял стакан со стола и налил сок из хрустального графина.

— Апельсиновый? — сорвалось с моих губ, прежде чем я осознала глупость вопроса; насыщенный жёлтый цвет красноречиво кричал, что это что угодно, но не апельсин.

— Манговый, — спокойно поправил он. — Хочешь апельсиновый?

Паника нарастала. Мне не нравилось быть здесь наедине с ним, вдали от спасительного гула музыки и Одетт.

— Я хочу воды. Точнее... ничего не хочу, — резко бросила я и, развернувшись, почти побежала прочь, вцепившись в подарок.
Спасибо, что прочитали эту главу! Если вам понравилось продолжение истории, буду очень рада вашей поддержке — оцените главу и поделитесь мнением в комментариях. Для автора это лучшая мотивация творить дальше.

Ноябрь, 1989

Фет и Одетт

Глава 5

Я пробилась обратно в гостиную, буквально врезавшись в толпу, и нашла Одетт, ухватившись за её руку, как за якорь. Вид её знакомого, озорного лица моментально вернул мне почву под ногами. Ни за что. Больше ни за что я не отойду от неё.

— Всё хорошо? — Одетт улыбнулась мне.

— Да, — я выдавила из себя что-то похожее на улыбку, стараясь выглядеть как можно более непринуждённо. — Дилан... показывал кухню.

Подруга в ответ фыркнула, и её смех, неожиданно громкий, прозвучал как выстрел в гулкой комнате.

— Показывал кухню? — она отпила шампанское, её взгляд был полон изумления и лёгкого сарказма. — Это так на него непохоже. Удивил...

И тут что-то холодное коснулось моего локтя. Стакан с водой.

— Ты забыла.

Я вздрогнула и обернулась. Его серые глаза встретились с моими зелёными. В горле пересохло, а по спине пробежали мурашки — странная смесь досады и любопытства. Я взяла стакан и сделала торопливый глоток. Дилан лишь слегка усмехнулся.

— Вот так-то лучше.

С этими словами он резко развернулся и двинулся прочь, растворяясь в компании других парней. А я застыла на месте, чувствуя, как подкашиваются ноги и мир вокруг теряет свои очертания. Я смотрела ему вслед, но в этот раз в моем сознании не было бушующих волн. Я смотрела на неприступную, равнодушную скалу.

Вечеринка набирала обороты. Дилан, кажется, уже забыл о моём существовании, сосредоточившись на высокой брюнетке в облегающем платье с зебровым принтом. Её красота была отточенной, словно для глянцевого обложки: жемчужные бусы, идеальная улыбка. Она была истинной леди, олицетворением всего, чего, как мне казалось, у меня нет. Она непринуждённо касалась его руки, и он отвечал ей той же лёгкой, привычной фамильярностью, от которой у меня сжималось сердце.

А я, чтобы не казаться совсем уж потерянной, делала вид, что внимательно слушаю Люка, младшего брата Дилана. Его болтовня о группе «*Level 42*», перемежающаяся слащавыми комплиментами, которые он сыпал без разбора, уже успела меня измотать.

Одетт, кажется, всерьёз увлеклась Бернардом — он, к моему облегчению, казался милым, совсем не заносчивым и, что было настоящей редкостью в этой блистательной компании, умел слушать. И это хоть как-то меня радовало.

Но я была измотана. Устала от приклеенной улыбки, от бесконечных, пустых разговоров о показах мод и курортах, которые были для меня лишь абстракциями. Единственным желанием было оказаться дома, в тишине моей комнаты, ведь завтра меня ждал семинар по «*Тэсс из рода д'Эрбервиллей*». Горькая ирония, словно тяжёлый плащ, давила на плечи: я разбирала глубочайшую трагедию женской доли, а на деле не могла решить куда более простую, до смешного примитивную задачу — просто вручить этот дурацкий подарок...

Мой взгляд скользил за Диланом, который легко переходил от одной группы к другой. Он стоял с девушкой, улыбался. Собрав волю в кулак, я, медленно, но решительно, сделала шаг в их направлении.

— Дилан, я хотела...

Он повернулся. Его взгляд скользнул по мне, и я увидела в нём лишь ту холодную вежливость, которая отталкивает сильнее любого хамства.

— Извини, но меня ждут, — бросил он механическим голосом и тут же растворился в гуще толпы, оставив меня одну, с невысказанными словами, пылающим лицом и ненужным подарком.

Я стояла, словно пригвождённая к полу, посреди этого роскошного, безразличного мне безумия, сжимая подарок. Чувствовала себя до абсурда нелепой и никчёмной. Терпение окончательно лопнуло. *С меня хватит.*

С почти отчаянной скоростью я рванула к Одетт и Бернарду, словно пытаюсь убежать от самой себя.

— Извините, что прерываю, — выдавила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я... я очень хочу домой.

Одетт взглянула на электронные часы на камине.

— У нас ещё есть час. Папа скоро приедет.

— Могу подбросить, — предложил Бернард.

— Ты же пил? — удивилась Одетт.

— Всего один бокал.

— Буду очень благодарна, — выдохнула я облегчённо. Спасение было так близко.

Беглый взгляд по залу подтвердил мои худшие опасения (или лучшие, это уж как посмотреть) — Дилана нигде не было видно. И слава богу. Решено: уйду по-английски, не прощаясь.

Подойдя к старому камину, я осторожно оставила на его широкой полке книгу. Открытка была подписана ещё дома, он поймёт, от кого. Если, конечно, вообще обратит внимание.

Одетт взяла меня под руку, и мы, подгоняемые моим внутренним желанием сбежать, вышли на улицу. За нами следовал Бернард. Его серая *Volvo 240 GL* стояла всего в паре домов отсюда. Облегчение накрыло меня с головой, смывая всю усталость и неловкость — свежий ноябрьский воздух был пьянящим, а предвкушение свободы — абсолютным. Больше ничего не было нужно, только уехать.

Мы уже почти подошли к машине, когда сзади, словно гром среди ясного неба, раздался до боли знакомый, насмешливый баритон.

— Бернард Патель, и это твой способ поздравить меня с днём рождения? Уехать, не попрощавшись?

Мы обернулись. Дилан шёл к нам быстрым шагом, а в его руке был мой подарок. Внутри всё сжалось.

— До вас, милый лорд, сложно добраться. Всё женское внимание приковано к вам, — пошутила Одетт.

— Ты же знаешь, что если девушка просит — это закон, — парировал Бернард, открывая переднюю дверь.

Одетт подошла к Дилану и чмокнула его в щеку.

— С днём рождения. Свой подарок я оставила в гостиной.

— Посмотрю позже. Надеюсь, это что-то...

— То, что ты любишь, — она ловко юркнула на пассажирское сиденье.

Бернард пожал Дилану руку и открыл мне заднюю дверь. Я молниеносно скользнула внутрь, избегая его взгляда. Дверь захлопнулась, даря краткий миг облегчения. Барьер. Я выдохнула. Но тут же замерла, когда дверь с той стороны открылась, и он уселся рядом.

— Я проеду с вами, — заявил он.

Одетт обернулась. Её хитрый взгляд ясно говорил: «*Попалась*». Я знала, она уже мысленно раскручивает нить наших «отношений».

— Дилан, ты меня поражаешь! — рассмеялась она. — Сам Эванс лично провожает? Вот это честь!

Я притворилась, что меня до безумия занимает плюшевый бульдог, болтавшийся на зеркале. Краем уха ловила весёлую болтовню Бернарда и Одетт — им было хорошо вместе. Мы

же, рядом, были погружены в давящую тишину. Я попросила отвезти меня первой — выдержать обратную дорогу с ним наедине было бы выше моих сил.

Когда машина остановилась у моего дома, Дилан резко вышел и открыл мне дверь, протягивая руку. После короткой, но тяжёлой паузы, я всё же приняла его помощь.

— Я провожу, — сказал он своим спокойным тоном. Эта неожиданная галантность, надо признать, шла ему куда больше, чем привычное высокомерие, которое он демонстрировал на вечеринке.

Мы быстро дошли до двери. Я обернулась.

— Спасибо, Дилан, дальше я сама.

Но он снова схватил меня за руку. Холодная дрожь пробежала по коже, мгновенно пронзая меня до самых костей, словно я окунулась в ледяные ноябрьские воды Портри.

— Я хочу открыть подарок.

— Пожалуйста. Но я очень хочу спать, — мой голос звучал устало и чуть сдавленно.

Он не отпускал мою руку, его хватка была твёрдой, но не грубой.

— Я открою, и ты пойдёшь спать, — в его словах не было ни вопроса, ни просьбы, только констатация факта.

Я лишь кивнула.

Его пальцы медленно скользнули по упаковке, будто он наслаждался каждым шелестом бумаги. Он не торопился, тщательно разглаживал каждый сгиб, и этот невыносимо затянутый ритуал раздражал. Я стояла, кутаясь в собственные руки, и чувствовала, как ледяной ноябрьский ветер пробирается сквозь тонкую ткань платья, а по моей спине бегут мурашки — не только от холода, но и от нарастающего напряжения. Он бросал на меня быстрые, оценивающие взгляды, и мне казалось, будто я застыла под микроскопом, исследуемая этим безразличным, но настойчивым взглядом.

Наконец, он извлёк открытку и принялся её рассматривать, вглядываясь в каждый штрих.

— Это маяк, — тихо сказала я. — В Портри. Моё любимое место.

— Красиво... «Старик и море»? — он рассматривал книгу. — Люблю Хемингуэя.

— Ты любишь читать?

— Когда есть время.

— Я рада, что тебе понравилось, — прошептала я, сама удивляясь своему облегчению.

— Спасибо, — его голос вдруг стал тише и мягче. — За подарок. И за открытку. Ты умеешь удивлять.

Эта внезапная мягкость растопила во мне последние льдинки обиды. Он снова взял мою руку, и на этот раз его губы коснулись моей кожи — коротко, почти невесомо.

Я застыла, не в силах отвести руку или сделать шаг. Наконец, он отпустил её, развернулся и ушёл. А я осталась на пороге, провожая его взглядом, и увидела улыбающееся лицо Одетт в окне машины. Медленно улыбнувшись в ответ, я вошла в дом.

5 ноября 1989 года, Лондон

«Он... странный. Невыносимый и интересный одновременно, совершенно не похожий ни на кого из тех, кого я знала. У меня, конечно, нет никакого опыта общения с такими заносчивыми идеалистами, что живут в своём мире роскоши и амбиций. И я явно не вписываюсь в его богемную, блестящую жизнь. Та красotka в платье с зебровым принтом — определённо его девушка. Так что всё это была просто вежливость, ничего более...»

Или я так хочу думать?»

5 ноября 1989

Он... странный. Невыносимый и интересный одновременно, совершенно не похожий ни на кого из тех, кого я знала...

Глава 6

10 декабря 1989 года, Лондон.

«На перерывах я часто ловлю его взгляд. Он наблюдает, иногда даже улыбается мне. Однако после той вечеринки мы не разговаривали.

Он всегда статный, и теперь его постоянно сопровождает та самая девушка со дня рождения. От Одетт я узнала, что её зовут Сара. И у них что-то неясное: она уверяет, что они друзья, но её взгляд выдаёт совсем другие чувства. Главное — он от меня отстал. Чему, конечно, я должна радоваться...»

Я сидела в углу университетской библиотеки, укутавшись в свой любимый свитер цвета крем-брюле, и пыталась разобраться в аллегорических лабиринтах *«Королевы фей»* Спенсера. Тема моей работы — «Рыцарь Красного Креста как аллегория добродетели».

— Спенсер? — раздался у меня над ухом тихий голос. — Смелый выбор.

Я вздрогнула. Дилан Эванс стоял рядом.

— Ты же далёк от литературы и вроде как учишься на бизнесе.

— Бунтари — вот кого я бы изучал, — он усмехнулся, беря с полки *«Геро и Леандра»* Марло. — Идеально. Леандр переплыл море ради ночи с любимой. Без всяких аллегорий.

— Может, в этом и есть её добродетель? — неожиданно для себя возразила я. — Не быть берегом, что ждёт пловца, а стать самим океаном, который стоит пересечь.

— Это замечание мне или констатация факта из книги?

— Ты всегда всё переводишь на себя?

— Слова имеют смысл. Или для тебя это только набор букв?

— Смотря какие.

Дилан присел рядом. Его свитер с треугольным принтом, словно картинка для гипноза, навязчиво отвлекал от текста. Он молчал, и я демонстративно продолжила писать. Это был изнурительный труд, и я просто не могла позволить себе не получить за него высший балл. Так что пусть идёт и бросает заумные словечки своей Саре.

— Пошли попьём кофе? — его пальцы коснулись моей кисти.

Я резко, почти инстинктивно отдернула руку.

— Это вопрос или приглашение? — Я упрямо продолжала вглядываться в свой почерк в блокноте, стараясь не выдать эмоций.

Дилан встал и, нависнув надо мной, склонился к самому уху.

— Пока приглашение, — прошептал он и, выпрямившись, снова протянул мне ладонь.

— Не могу. Мне необходимо успеть дописать эту работу.

— Я подожду, — сказал он с вызовом.

Он продолжал стоять надо мной, а две девушки напротив уже прожигали меня взглядами. *Я ненавижу внимание.*

Я резко захлопнула блокнот, швырнула ручки в пенал и наспех запихнула всё в свой портфель. Дилан снова протянул руку, но я отвернулась, оставив его жест повисшим в воздухе. Одно дело — его мимолётное внимание, другое — его Сара. Мне же потом отдуваться. Девушки нынче бьются за статус до крови, а Дилан Эванс, этот перспективный выпускник Илинга, был главным призом.

— Никогда не замечал, что у тебя веснушки, — улыбнулся он.

От его слов дрожь пробирала до костей, отражаясь даже в моём портфеле, который я стискивала мёртвой хваткой. Я пыталась убедить себя, что это всего лишь слова, хотя почему-то его пронизательность, несмотря на страх, одновременно и льстила, и пугала меня. Я мед-

ленно, стараясь ступать на цыпочках, пошла к выходу из библиотеки, но замшевые сапожки всё равно гулко отстукивали по потёртому паркету, выдавая каждый шаг.

— Будешь молчать? — снова раздался его голос, резкий и требовательный.

Я поспешно открыла дверь библиотеки и выскользнула наружу, всё ещё сжимая ручку портфеля.

— Я и так уже нарушила правила. Здесь положено работать в тишине. Тебя это совсем не беспокоит?

— Ничуть.

— Пальто... я забыла его.

— Где?

Я указала пальцем на приоткрытую дверь библиотеки. Дилан развернулся и снова зашёл внутрь. Я с облегчением выдохнула. Рядом с ним было странно легко, словно он брал на себя часть моих проблем, но в то же время меня сковывало предчувствие опасности. Всё моё нутро кричало: «Беги!», но я не могла. Ведь, по сути, он не был плохим парнем. Просто невыносимо *высокомерным*. Но к таким я уже давно привыкла.

Мы вышли на улицу.

И снова я оказалась в центре всеобщего внимания. У меня складывалось впечатление, что Дилан — не просто сын успешных родителей, а настоящий принц, чуть ли не отпрыск королевы Елизаветы II. Он шёл прямо, с маской холодной строгости на лице и лёгкой ноткой снобизма. Наш Рыцарь Красного Креста. Только успехов не хватает.

— Куда хочешь поехать?

— Домой, — я упёрлась взглядом в его чёрную машину. Марки не разглядела, но сомнений не было — дорогая.

— Тогда едем в кафе при театре «*Kuэсторс*». Я люблю их кофе, — он приоткрыл мне дверь.

— Мне вот интересно, ты всегда сначала спрашиваешь будто из вежливости, а потом делаешь так, как тебе хочется?

Он сделал шаг вперёд, сократив дистанцию до нуля. Его высокий рост заслонил всё вокруг. Я дышала ему прямо в грудь, боясь снова поднять глаза. Лучше уж рассматривать эти гипнотические треугольники на его свитере.

— Не люблю отказов, — сказал он и одним движением выхватил портфель из моих рук. Открыв заднюю дверцу, он бросил его на сиденье.

Волна стыда и смущения добила последние остатки самообладания.

Я проиграла.

— Ты так и будешь стоять? — спросил он, уже повернув ключ зажигания.

— Я ведь ещё могу отказаться и уйти, — я резко развернулась, всё ещё не решаясь сесть.

— Отказалась бы в библиотеке. Садись.

Я буквально рухнула на сиденье. Дверь за мной захлопнулась с резким, нервным стуком — не от злости, скорее от чистого отчаяния.

— Мстишь? — усмехнулся он, скользнув по мне взглядом.

Я с силой дёрнула ремень безопасности, поправила пальто и впиалась взглядом в лобовое стекло. Он ничего не ответил, лишь на мгновение задержал мой взгляд в зеркале заднего вида.

Машина тут же рванула с места, и салон мгновенно наполнился пульсирующим электронным битом «*Blue Monday*». Мощные басы ритмично ударяли прямо в грудь, отбивая такт моему бешеному сердцебиению. Дилан ритмично постукивал пальцами по рулю, и я поняла — эта поездка будет как сам трек: неумолимая, безжалостная, без права на остановку.

— Нравится? — спросил он, следя за дорогой.

— Если отвечу «нет», обидишься?

— Нет. Я помню, что ты слушаешь Вапапагата. Но, извини, мы будем слушать это.

Он явно издевался. И хотя в его тоне сквозила какая-то странная игривость, я не могла понять его истинных мотивов. Мы проезжали оживлённую улицу, и я отчаянно цеплялась взглядом за витрины магазинов, за лица прохожих, которые выглядели куда счастливее меня с моей неизбежно кислой миной.

Глава 7

Дилан изредка бросал на меня быстрые взгляды, и его улыбка казалась вызывающе-игривой. Флирт — его смертоносное оружие. Моё же... скорее всего, паническая растерянность и досадное неумение ему отказывать. Музыка давила на барабанные перепонки, а он, будто назло, снова увеличивал громкость, словно пытаясь заглушить мои мысли.

— А мы можем просто поговорить? — перекричала я биты.

Дилан мгновенно щёлкнул тумблер. Салон наполнился внезапной, оглушительной тишиной.

— Говори, — улыбнулся он, бросив на меня быстрый, пронзительный взгляд.

— Чем ты занимаешься? — пришлось выпалить первое, что пришло в голову, лишь бы не возвращаться к этому давящему стуку.

— Последний курс. Бизнес и управление, — отчеканил он, идеально вписываясь в поворот на *Юбилейную дорогу*. — Отрабатываю часы в конторе отца. Все ждут, что я приду и стану молодым боссом с дипломом в рамочке.

В его голосе не было энтузиазма.

— А ты чего ждёшь?

Он снова посмотрел на меня, на этот раз дольше обычного, с неподдельным удивлением, словно я задала единственный вопрос, который действительно имел значение.

— Никто не спрашивает, чего я жду, Фет. Все говорят, чего *они* от меня ждут. Отец построил целую сеть ювелирных магазинов. Хочет, чтобы я её сохранил и приумножил. Стандартный путь.

— А тебе не по стандарту? — рискнула я.

Он резко засмеялся.

— «Не по стандарту»... Сетью магазинов сейчас никого не удивишь. Я хочу создать то, чего у него не было. Не сохранить, а перестроить. С нуля. Своё.

Он произнёс это с такой непоколебимой уверенностью, что я мгновенно поняла: его высокомерие — это не маска, а суть характера. А вот взгляд... Он то становился хищно-хитрым, то смотрел почти нежно, то снова становился по-особенному отстранённым, недоступным.

— И что же ты построишь? — вырвалось у меня, и я сама поразилась, насколько искренне мне это было интересно.

Он медленно покачал головой, загадочно усмехаясь.

— Пока не скажу. Испугаешься.

— Я не из пугливых, — возразила я, ощущая лёгкий вызов.

— Это мы ещё проверим, — Дилан резко затормозил у обочины. — Приехали. Готова к проверке на храбрость?

Он выключил двигатель и указал подбородком на кирпичное здание театра «*Куэсторс*».

— Любишь загадками бросаться или пытаешься так произвести впечатление?

— Я уже произвёл, раз ты сидишь рядом, не так ли?

Его наглость была настолько вопиющей, что мне захотелось не просто взорваться, а буквально испепелиться из этой проклятой машины. Это уже переходило все мыслимые границы для человека, воспитанного в приличной семье! Неужели он считает меня настолько простой? Я, конечно, ко всему отношусь с добротой, но разве хоть что-то в моём поведении давало ему повод так со мной разговаривать?

В порыве гнева я резко распахнула дверь, намереваясь немедленно выйти, но забыла про ремень безопасности. Дёрнувшись назад, я вспыхнула, покраснев до корней волос. Отстегнула ремень и выскочила из машины.

Дилан вышел следом, небрежно облокотился на крышу и спокойно, с насмешкой, смотрел на меня.

— Обиделась?

— Да. Я не давала тебе повода разговаривать со мной так, как ты привык со своими подружками.

— А тебе говорили, что на шутки принято улыбаться?

Ещё один в группе поддержки Одетт. Её шуточки и эта его реальность до сих пор казались мне чужими. Я была слишком далека от такого примитивного юмора. Юмор в литературе — это другое, его я воспринимаю на ура. Но не эти заезженные фразочки из телевизионных шоу.

— Ладно, извини. Я не хотел тебя обидеть. Понял, с тобой нужно разговаривать фразами из книг, — в его голосе прозвучало наигранное раскаяние.

— Со мной можно просто говорить. И я не хочу пить кофе, — отрезала я, резко открыла заднюю дверцу, выхватила портфель и почти бегом направилась к автобусной остановке.

— Фет Конли, ну прости грешника! — его голос догнал меня.

— Не используй эти слова в оправдание! — крикнула я через плечо, ускоряя шаг, чувствуя, как злость сменяется какой-то странной обидой.

— Я тогда пойду за тобой! — он, с неожиданной для меня лёгкостью, подбежал и схватил меня за руку.

Я развернулась. Он смотрел на меня уже не вызывающе.

— Я прошу прощения за свои манеры. Больше не повторится. Можно я хотя бы отвезу тебя до дома?

— Снова вопрос, от которого я не могу отказаться? Ведь ты же *не любишь отказы*.

И тогда Дилан медленно убрал руку, а затем, к моему полнейшему удивлению, развернулся и ушёл. Просто ушёл! А я так и осталась стоять, ошеломлённая, наблюдая, как он садится в машину и уезжает прочь.

Рыцарь оказался обидчивым.

Я выдохнула, чувствуя странное опустошение, и зашагала ещё быстрее. Надеюсь, больше его никогда не увижу.

10 декабря 1989 года, Лондон

«Я чувствовала себя виноватой. Всю дорогу его ругала и злилась. Но стоило мне переступить порог дома, как пришло горькое осознание: возможно, я перегнула палку. Ведь шутки — это как литература XIII и XVII веков: абсолютно разные понятия, стили и контексты.

И всё же... Впервые я подумала не о его наглости, а о том, что под ней, быть может, скрывается тот самый «Рыцарь Красного Креста» из моей работы — аллегория добродетели, которая просто ещё не нашла свой путь. И, отправив его прочь, я, кажется, совершила куда большую ошибку, чем он со всеми своими дурацкими шутками.»

10 декабря 1989

И всё же... Впервые я подумала не о его наглости, а о том, что под ней скрывается...

Глава 8

18 декабря 1989 года, Лондон

«Господи, я просто не могу понять эти правила! Почему ему позволено играть со мной, как чёртовой кошке с мышкой?!»

Мы сталкиваемся каждый божий день. И каждый раз, проходя мимо, он бросает на меня этот свой дьявольски смешливый взгляд. Улыбку, от которой буквально вспыхивают щёки. А Одетт тут же начинает сыпать едкими шуточками, и от этого становится только хуже... жарче!

А его поведение... оно просто сводит меня с ума! То это «нечаянное» прикосновение к руке в библиотеке, когда он достаёт книгу с верхней полки. То внезапное появление у самых дверей аудитории, будто, видите ли, «просто мимо проходил». А вчера он вообще с друзьями подошёл и просто... смотрел. Молча! От этого взгляда ледяные мурашки побежали по всей спине.

Признаюсь, его улыбка в этом промозглом, вечно сыром Илинге иногда... да, согревала. И, если быть совсем честной, не только она... Его глаза тоже. Тебе врать не буду...»

Я зависала на телефоне с Одетт. Она уехала в Биарриц на рождественские каникулы. С ней поехал и её французский сокурник. Я до сих пор не понимала, почему она не выбирает Бернарда. Мне он нравился куда больше. Но Одетт была в вечном поиске. Эксперименты — её стихия.

Она рассказывала мне про пляжи и мечтала быстрее увидеться. А я мечтала встретить Рождество с ней, но мама попросила остаться.

— Видела его? — щебетала в трубку Одетт.

Я плюхнулась на диван, уставившись в потолок. Что ей сказать? Что после моего ухода он не пытался больше заговорить, а просто наблюдал, будто ждал чего-то? Эти насмешливые искорки в его глазах одновременно притягивали и бесили до мурашек.

В голове вертелась строчка из вчерашнего семинара: «...любви мужской и женской слиться трудней, чем духу с воздухом сродниться...»

Джон Донн своих героев описывал куда решительнее, а Дилан Эванс даже подойти нормально не может!

— Фет... Ты сочиняешь мне ответ? — её смех разлился по телефонной трубке.

Сказать ей, что в конспектах по драматургии пишу его имя на полях, а потом яростно зачёркиваю?

Строчки Донна, когда-то конспектированные с таким усердием, теперь обжигали изнутри. Он смотрел на меня не как влюблённый пастух из старомодного романа, а как сам поэт — властно, оценивающе. Словно намеренно доказывал свою же мысль о невозможности слияния двух начал. И самое ужасное — его осада действовала. Я ловила взгляд через весь холл и чувствовала, как стены моего спокойствия рушатся.

— Видела... Но больше не говорила.

— Ну, привыкай. Дилан всегда стремится к лучшему.

— К покорности? — поправила я. — Ты считаешь, что пригласить девушку на кофе и вести себя нахально...

Одетт рассмеялась.

— Моя романтистка, будь же благосклонней к нему. Да, резок. Но вот он такой человек...

— Напыщенный и опасный, — я сама усмехнулась от этих слов.

Нет, он не был таким. Проблески вежливости, конечно, заворачивали, но манера издеваться отталкивала куда сильнее.

В гостиную зашёл отец.

— Извини, что прерываю ваши с Одетт переговоры, но на пороге тебя ждёт юноша.

— Аааа! — закричала в трубку подруга. От её крика по щекам разлился жар.

— Дилан, я уверена, это он! — смеялась Одетт. — Подумай о рыцаре — и он уже у твоих ворот.

Признаюсь, мысль, что за дверью стоит Дилан, вызвала настоящий восторг. Я на секунду перестала слышать верещание Одетт, мысленно уже сочиняя его извинения. У него хватило решимости приехать! Начать наконец общаться без этих напыщенных фразочек...

— Одетт, прекрати кричать, — прошептала я, сжимая трубку.

Но в прихожей ждал не Дилан. Разочарование больно дёрнуло за плечи. Передо мной стоял Бернард с конвертом в руках, мило улыбаясь.

— Бернард... — я тихо выдохнула.

Одетт замолчала в трубке.

— Извини, что так неожиданно. Я был у Дилана, и он просил тебе передать это.

Друг Дилана стоял, смущённо улыбаясь. Его взгляд буквально кричал о неловкости всей этой абсурдной ситуации. Когда он протянул конверт, его пальцы дрогнули — и я невольно съёжилась.

— Спроси, почему Дилан сам не... — начала Одетт, но я резко опустила трубку на комод, обрывая её на полуслове.

— А где он сам? — мой взгляд впивался в белый конверт с фамилией «Эванс», выведенной ровным почерком чёрной ручкой.

— Фет, я просто посыльный. Не собираюсь быть секретарём в ваших личных делах.

Он развернулся, сделал пару шагов и остановился. Повернув голову, спросил:

— Как Одетт?

Этот простой вопрос прозвучал с такой надтреснутой интонацией, что у меня внутри всё оборвалось. В нём слышалась не просто вежливость, а тихая, неприкрытая надежда. Мне вдруг до боли захотелось его утешить. Обнять. Ведь я-то прекрасно знала, каково это — прятать свою боль за улыбкой. Когда мне было плохо, меня всегда спасал чай. Думаю, нам есть о чём поговорить.

— Хочешь чай? — предложила я.

Бернард оживился и кивнул. Он быстро снял серое пальто, поправил рубашку и пригладил русые волосы.

Пока я возилась с чаем на кухне, он увлечённо рассказывал о своей мечте — открыть магазин мебели. Его глаза светились, когда он говорил о работе с деревом, о лете в Ирландии, о том, как помогал деду строить дома. Слушая его, я никак не могла понять Одетт. Неужели она не видит, как он к ней неравнодушен? Почему она тянет?

Я поставила дымящуюся чашку рядом с его рукой, достала овсяное печенье и кунжутные крекеры.

— Одетт в Биаррице, — сказала я, переходя прямо к делу. — Приедет после Нового года. Она тебе нравится?

Он мгновенно вспыхнул. Но я не собиралась растягивать наш разговор на целый роман Диккенса. Мне нужно было чётко и ясно понять, каковы его истинные намерения по отношению к моей лучшей подруге.

— У тебя хорошая подруга, — Бернард откусил печенье.

— Хорошо, не хочешь говорить... Но если она тебе нравится, будь настойчивее. Одетт — героиня романа, ради которой лорды и рыцари были готовы на всё. Так что — дерзай!

— Спасибо, — Бернард взял печеньку и протянул одну мне. — Как там рыцари мечи скрещивали? Может, мы печеньками скрестим?

— Стоп... — меня осенило. — У меня есть идея.

Я подошла к большому кухонному шкафу и распахнула его. Достала миску с грецкими орехами и два кухонных молоточка.

— Ну что, расколем наши сомнения?

Бернард кивнул. Мы расстелили полотенце, положили два ореха и с энтузиазмом стукнули по ним. Орехи отскочили на пол, и мы оба залились смехом.

— Бернард, не упусти её, — сказала я ему.

Он поднял орех и забросил его в рот.

— Буду стараться.

Мы обсуждали любимые фильмы Одетт, и живой смех Бернарда наполнял кухню. Он разыгрывал сценки, показывая, с каким лицом встретит её и как будет грустить, если она снова сбежит куда-нибудь далеко.

Вот она, сила зарождающейся, настоящей любви. *«Ибо в узах моих — твоя свобода»*. Снова цитата Джона Донна. Сначала — для Дилана, как осада. Теперь — для Бернарда, как обет. Его слова обретали плоть и кровь, выходя из библиотечных стен и проникая в мою жизнь. Людей не выбирают. Их просто *любят*. И он, я видела, влюблялся. Надеюсь, Одетт увидит в этом мужчине достойную пару.

Мы не заметили, как пролетел час. Бернард поблагодарил меня и ушёл. А я взяла конверт и поднялась к себе в комнату. Осторожно вскрыла его тонким лезвием канцелярского ножа. Внутри обнаружили три приглашения на рождественский ужин. Для меня и моих родителей.

«Приглашаем вас на Рождественский ужин в наш дом...» От семьи Эванс.»

Во мне вспыхнул фейерверк из сотен огоньков. В животе запорхали бабочки, а в голове закружились страницы любимых книг, щекоча сознание образами балов и принцев. Было и пьяняще приятно, и до слепоты страшно.

В качестве кого я там буду? Простая девушка из Илинга? Или та, кого он для себя выбрал? Это его мания величия, желание продемонстрировать власть? Или нечто завораживающе романтическое, словно рыцарь, приглашающий в свой замок?

Я подошла к окну. За стеклом моросил лондонский дождь, заливая огни нашего скромного района. А там, в Суррее, их особняк сиял бы, наверное, как главная ёлка Лондона. Моё отражение в стекле улыбалось мне — растерянной, польщённой, напуганной.

И что мне теперь делать?

18 декабря 1989 года, Лондон

«Очнулись наши души лишь теперь,

Очнулись — и застыли в ожиданье;

Любовь на ключ замкнула нашу дверь,

Каморку превращая в мирозданье».

Джон Донн

Эти строчки будто про меня. Про этот конверт. Бесит... И снова вру...»

18 декабря 1989

Бернард Патель

Очнулись наши души лишь теперь, очнулись — и застыли в ожиданье;

Глава 9

18 декабря 1989 года, Лондон

«Пару дней назад я писала о выборе и поступках героев семнадцатого века. Какие же всё-таки рыцари в них были прекрасные. Как красиво говорили! Целая вселенная легенд, сонетов и поэм, созданная, чтобы объяснить одну простую вещь — как должен вести себя мужчина, когда пытается проявить внимание к девушке.

Дилану бы у них поучиться. Хотя нет, о чём это я? Его самолюбие даже не проникнется к ним, он сочтёт это слабостью или, того хуже, — скучной литературной ветошью.

Пусть Санта подарит ему на Рождество самый романтичный из всех романов. Посмотрим, сможет ли он прочесть между строк. И сможет ли он вообще что-то понять...

И пойму ли я сама, чего жду от него в ответ?»

Я вполне могла бы отказаться, но это сочли бы не просто дурным тоном, а прямым оскорблением. Родители Дилана, похоже, тщательно формировали список приглашённых. И уж точно я не могла не рассказать об этом своим родителям. Узнай они, что их дочь впервые им солгала, это стало бы для них ударом.

Зажимая в руке плотный картон приглашения, я спустилась в гостиную. Родители, уютно прижавшись друг к другу, смотрели новости. Голос диктора на экране рассказывал о забастовке машинистов, но их крохотный, надёжный мирок казался нерушимым. Я смотрела на их спокойные лица, на отцовскую руку, нежно лежащую на мамином плече, и отчаянно хотела, чтобы это мгновение длилось вечно.

— Мам, пап... — мой голос прозвучал неестественно резко, словно расколов тишину.

Они обернулись, улыбаясь.

— Семья Эвансов приглашает нас на Рождественский ужин... Завтра.

Мама медленно опустила ноги с дивана.

— Завтра? Но, Фет... мы не успеем подготовиться! — она обвела комнату растерянным взглядом, будто ища утешения среди мерцающих гирлянд и чулков на камине.

Отец не моргнул. Медленным, непривычно властным движением он поднял пульт, щёлкнул — и голос диктора оборвался на полуслове.

— Хорошо, — твёрдо сказал он. — Значит, завтра идём.

Мама дотронулась до его руки:

— Питер, ты хоть понимаешь, о чём речь? Эвансы! Та самая семья из Суррея, их особняк, их... Мне нужно платье. Фет тоже... Ты вообще смотришь на это так спокойно. Ты что, знал про ужин?

— Да, — коротко подтвердил он. Затем посмотрел на меня, и в его глазах не было привычной отцовской нежности, лишь холодный, почти хищный расчёт. — Их сын, Дилан, пару дней назад заезжал в магазин, расспрашивал про наши планы. Умный парень. Чувствуется, что с перспективами. Очень... целеустремлённый.

Я буквально оцепенела от этого открытия. Значит, Дилан Эванс заезжал к отцу, и тот молчал все эти дни. Вот почему он тогда так ухмылялся на перерывах!

— Нет! Я не пойду! — выкрикнула я, сама испугавшись собственного тона. Повысить голос на родителей — впервые в жизни. Сам звук моего голоса испугал меня больше, чем угроза отца.

Отец поднялся. Его тень полностью поглотила меня.

— Для меня, Фет, это крайне важный ужин. Возможность завязать деловые знакомства. Их семья — значимые фигуры в нашем кругу. А нас пригласили как семью.

Он взял газету, сложенную на кресле, и направился в спальню, отрезая любое дальнейшее обсуждение.

Мама подошла и обняла меня, но в её объятиях я почувствовала лишь смирение.

— Папа прав, милая. Мы ведь семья. Мы должны быть вместе. — Она поцеловала меня в макушку. — Пойду, прилягу. Голова что-то болит.

Я лишь слабо улыбнулась в ответ. Ужин так ужин. Единственное, что хоть как-то утешало: среди множества глаз «мистер Совершенство» будет вынужден соблюдать этикет...

Утро девятнадцатого декабря, субботнее, не задалось с самого начала. Я разбила тарелку, хотя папа шутил, что это к счастью. Даже Одетт укатила со своим юристом куда-то гулять по городу. А мне так нужен был хотя бы час её поддержки по телефону. Потом началось сумасшедшее обсуждение платья. Мама настаивала на бежевом платье в пол, папе нравилось атласное чёрное, но я выбрала серое с блёстками.

Я достала из шкафа свою самую роскошную вещь — платье *Bob Mackie*, которое Одетт со своим фирменным смехом вручила мне на восемнадцатилетие со словами: «Сияй, моя рыжая чертовка!»

Тогда это казалось шуткой. Теперь же его тяжесть, расшитое жемчугом и бисером, ощущалась как доспехи. Каждая бусина была каплей уверенности, которая мне так была нужна. Одетт явно знала, что мне дарить.

Я не стала делать макияж. Это же не смотрины. Буду в их изящной упаковке, но со своим лицом.

До особняка в *Суррее* мы ехали целый час. Все шестьдесят минут я пересчитывала бисер на своём платье. Делала вид, что слушаю папины деловые рассказы и мамин смех, но тревога и волнение поглаживали меня по голове. Хотелось открыть дверь и наполнить салон холодным воздухом. И сбежать. Но подвести папу я не могла. Он прав, для него это хороший шанс выбраться из середины и стать успешнее.

Наконец, мы миновали тёмный лес, и машина подкатила к чёрным кованым воротам. За ними, в глубине ухоженного парка, стоял большой, освещённый, надменный особняк. А внутри меня ждала встреча... *С ним.*

Двое мужчин в смокингах открыли мне дверь и протянули руку. Я вышла. Если на его вечеринке гремела музыка, то здесь царила почти звенящая тишина.

Папа с мамой пошли вперёд, а я шла рядом, гордо выпрямив спину. В этом платье нельзя было быть простушкой.

Большой просторный холл в дубовых оттенках наполнял аромат роз. Их было много. Посредине, между двух пролётов лестницы, стояла высокая ёлка. На ней висели десятки мелких фарфоровых балерин. Пуанты, па, бантики. Я даже не заметила, что родители скрылись в соседней гостиной. Я продолжала смотреть на фигурки, толкнула пальцем ту, где три балерины держались за руки, и они закружились, переливаясь в свете люстры.

— Напоминает мне сестёр Бронте, не находишь? — раздался его тихий баритон.

Я обернулась. Его зелёные глаза смотрели на меня с той самой нежностью, что так редко в них пробивалась.

— Ты читал женский роман? — еле выдавила я, пытаясь сгладить неловкость.

— Да. Прочёл аннотацию, пару страниц. Попросил украсить ёлку балеринами, чтобы удивить тебя.

Я улыбнулась, хотя понимала — он лжёт. Но, глядя в его глаза, невозможно было в этом убедить себя. Всегда поражалась, как Одетт безошибочно определяет ложь. А его слова звучали так убедительно...

— А вдруг бы я не тронула ни одной фигурки?

Дилан взял меня за руку, и его губы нежно прильнули к коже. Волна мурашек пробежала по спине, и я вдруг поняла, почему в старинных романах так много внимания уделяют лишь

одному, едва уловимому прикосновению. Если поцелуй рыцаря, сквозь барьер перчатки, вызывал вихрь предвкушений, то его губы на обнажённой коже... это было совсем иное. Их теплота, смешанная с мягким, прерывистым дыханием — он намеренно задерживался, то прижимаясь, то чуть отрываясь, — лишала меня не только слов, но и воздуха.

— Тогда я бы придумал что-то другое.

Губы сами собой сомкнулись в нервной улыбке. От его внезапной мягкости я не могла оторваться, как и одёрнуть свою руку.

— Красивое платье. Тебе идёт.

Пришлось мгновенно выдернуть руку из его пальцев. Стоять с ним в его доме, позволяя себе такую близость, было совершенно неуместно.

— Мог бы и не стараться так усердно, — выдавила я. — Не слишком ли много показухи? Визит к папе, ёлка, пара страниц «Грозового перевала»... И всё ради чего?

Он наклонился, и его дыхание опалило мне ухо, когда он прошептал:

— Ради твоего прощения.

Его шёпот отозвался щекоткой по коже, и волна мурашек снова всколыхнула тело от затылка до пят. Он чертовски умел производить впечатление. И именно это пугало больше всего — осознание, что вся эта игра могла быть лишь его холодным расчетом, желанием снова *подчинить* меня. Но когда он снова наклонился, его следующая фраза ударила меня под дых.

— Теперь я жду и твоих извинений...

19 декабря 1989 года, Лондон

«Сборы на этот ужин напомнили мне описанные в книгах эпические приготовления к войне — те самые, когда короли и рыцари перед битвой устраивали целую феерию из стихов и песен, чтобы заглушить страх под маской бравады.

И вот я стою в его гостиной, смотрю на него, слыша лишь глухой ритм музыки, что доносится откуда-то издалека. Вся я сбита с толку единственным вопросом, который разрывает меня изнутри: кто здесь рыцарь, а кто — враг?»

Рождественский ужин у Эвансов

Кто здесь рыцарь, а кто — враг?

Глава 10

19 декабря 1989 года, Лондон

«Да кто он такой, чтобы воображать себя... кем? Высокомерным кавалером из позабытого романа? Принцем на белом коне, сошедшим с небес, дабы облагодетельствовать смертную? Или просто тем, кто решил, будто вправе управлять моей волей?»

Мои извинения, но он ошибся мишенью.

Пусть вершит свои порядки среди послушных ему особ, в своём стерильном, до абсурда «идеальном» мирке. Они — его послушные игрушки. А я? Я — его личный вызов».

Я не отводила взгляда, цепляясь за его ухмылку. Мои глаза, как и его, искали, но если он, казалось, наслаждался игрой, то я отчаянно выискивала хоть каплю сомнения в этом наглеце. Внезапно — прикосновение. Его пальцы сомкнулись на моей руке, и по телу разлилось странное тепло, а затем пробежали мурашки. Я не могла понять, было ли это от его касания или от подступающего к горлу раздражения.

— Я жду извинений, — в его взгляде мелькнула неожиданная нежность.

— Я не обязана. И мне не за что извиняться.

— Хотя бы за то, что ты красива, — он подарил мне эту улыбку.

Меня чуть не вывернуло наизнанку. Этот пошлый флирт, который мы с Одетт высмеивали в колледже, ему откровенно не шёл.

— Ты точно Дилан Эванс? Мне казалось, ты не опускаешься до уровня мелких обольстителей. Знаешь, как в семнадцатом веке называли таких?

Я наклонилась так близко, что шептала прямо ему в ухо, чтобы слышал только он:

— «Волокита». Или, если быть чуть изысканнее, «галант» — но это для тех, кто хоть немного образован. А вот тех, кто груб и прямолинеен, звали «сластолюбец».

Он откинул голову и тихо, глубоко рассмеялся.

— Ну что ж, мисс Конли, — произнёс он почти с уважением, глядя мне в глаза. — Кажется, я нашёл свою «недотрогу».

Невольная улыбка тронула мои губы. Неужели он и правда готовился к нашей встрече? Или его эрудиция простиралась куда дальше, чем я предполагала? Он так непринуждённо жонглировал терминами, даже бросив отсылку к «недотроге» Эндрю Марвелла.

— Какая интересная у нас с тобой дружба, — усмехнулась я. — *Галант* и *Недотрога*.

— *Дружба?* — в его взгляде что-то дрогнуло. Прозвучавшее слово, казалось, кольнуло его. Но что ещё это могло быть? Мы едва знакомы. Начальная стадия дружбы, не больше. — Я думал, что мы...

— Дилан, вот ты где, — томный женский голос разлился по холлу.

Подняв голову, я увидела Сару. Она стояла на лестнице, словно позируя для портрета. Волосы были идеально уложены, а бархатное розовое платье, несомненно, было призвано подчеркнуть каждый изгиб её фигуры. Она начала свой медленный, постановочный спуск. Дилан мгновенно отдернул руку, и в этот миг мне стало ясно: его мимолётная «нежность» была не более чем хорошо сыгранной сценой. Он был как зашифрованный текст. Не прочтёшь без дешифратора и целой армии толкователей.

Он подал Саре руку. Последние ступеньки она преодолела с такой выверенной, почти балетной грацией, что, наверное, ждала, что все мы тут же рухнем перед ней ниц. Что ж, её ждало разочарование. Я не собиралась.

— Пойду, поищу родителей, — сухо бросила я, разворачиваясь в сторону соседней гостиной.

Людей было совсем немного. В воздухе витала знакомая, изысканная мелодия Моцарта — я узнаю его с первых, безошибочных аккордов. Папа стоял в плотном кругу важных джентльменов, а мама элегантно расположилась на диванчике с не менее элегантной дамой.

Я медленно подошла, стараясь ни на кого не смотреть.

— Всё хорошо, милая? — спросила мама.

— Да. Ёлка впечатляет. Балерины — восхитительны.

Незнакомка слегка изогнула губы в улыбке.

— Мой сын с утра терроризировал всех декораторов, добиваясь именно этого «амплуа», — произнесла она, сканируя меня взглядом.

Догадка подтвердилась — это миссис Эванс. Тот же пронзительный взгляд, разрез глаз, даже эта характерная форма губ.

— Простите за отсутствие должных манер. Фет Конли, — представилась я, стараясь держать марку.

— Да, я наслышана... — она продолжала изучать меня, словно редкий образец в своей коллекции.

— Я же говорила, миссис Эванс, моя дочь — само совершенство, — мама, как всегда, не упускала возможности выгодно меня преподнести.

Было кристально ясно, что за нашими спинами уже всё давно решено. Но я не собиралась так просто уступать этой невидимой, но давящей скале обстоятельств.

— Меня обсуждаете, мама? — раздался за моей спиной знакомый голос.

Я не оборачивалась. Не хотела лишний раз привлекать к себе внимание.

— Мы с Диланом решили поехать в Париж на Новый год, — зашебетала Сара, словно не замечая нарастающего напряжения.

— У Дилана были более важные дела, не так ли, сынок? — миссис Эванс строго посмотрела на него. — Твой диплом. Ты не забыл?

— Я всё успею, — голос Дилана был ровным, но в нём чувствовалась стальная нотка.

Я встретила с ним взглядом. И снова передо мной был тот самый Дилан — отстранённый, опасный незнакомец, за которым скрывалась целая бездна. Сара стояла рядом, впиваясь в меня взглядом, и мне казалось, что все в этой гостиной смотрят только на меня. Когда папа наконец ободряюще махнул мне, я всем улыбнулась — той самой выверенной, светской, ни к чему не обязывающей улыбкой, которую, казалось, только что отточила, — и направилась к отцу, чувствуя на себе вес всех этих взглядов.

Стоять рядом с этой парочкой было невыносимо. Но пройти по блестящему паркету к отцу, ощущая на себе их сдвоенный, оценивающий взгляд, было моим крошечным триумфом. Я осталась собой. А Дилан? Всего лишь галант, заигравшийся не на той сцене.

Ужин прошёл под тем же флагом: все взгляды — на меня, натянутые улыбки и почти открытое недоумение: «*Кто она такая?*». Сара вела себя до неприличия скромно, но её показная невинность только подчёркивала железную хватку. Было ясно: она всеми силами стремится заслужить расположение его матери. Миссис Эванс, кстати, постоянно обращалась ко мне, задавая вопросы об учёбе и будущем. Я честно ответила, что хочу писать и искать новых авторов. Она вроде похвалила, но её взгляд говорил: «*Какое нелепое хобби для женщины*». Конечно, в её дремучем мире единственная «карьера» для леди — это удачно выйти замуж и сидеть дома, демонстрируя свой статус.

Когда гости стали расходиться, миссис Эванс подошла ко мне.

— Мисс Конли, я хотела бы пригласить вас завтра на чай, — её строгий взгляд был красноречивее любых слов. Эта женщина была не так проста.

Мои родители смотрели на меня с одобрением. А я не чувствовала ни капли удовлетворения. Зная её сына, была уверена — отказов она не примет. Я бросила взгляд в сторону, где

неподалёку стояли Дилан, Сара и их друзья. Он смотрел на меня, и в его глазах снова мелькнула та самая неуловимая нежность. Как его понимать?

Но если я откажусь, у папы могут быть проблемы.

— Благодарю за приглашение, миссис Эванс. Я буду к обеду, — я взяла отца под руку.

— Можно просто Клер, — она обернулась к Дилану. — Проводи семью Конли до машины.

Сара застыла, а Дилан направился к нам. Я уставилась на его безупречно начищенные туфли.

К машине мы шли вчетвером. Отец увлечённо обсуждал с Диланом экономику, мама шла под руку с ним, создавая фальшивую картину семейной идиллии. Отец помог маме сесть, затем устроился сам. А я осталась стоять напротив него, не зная, что сказать. Всё перевернулось с ног на голову. Я так яростно сопротивлялась его натиску, а теперь, стоя рядом, понимала: он — как манускрипт XIII века, сложный персонаж, главное препятствие, которое предстоит преодолеть...

Наша война — не за землю, не за первенство, а за превосходство разума. Он сам бросил вызов, предложив говорить на языке книг, и, клянусь, он справляется с этим блестяще. Каждая его новая реплика, каждый жест, притягивает меня сильнее. Но присутствие Сары, пусть они хоть сто раз «просто друзья», мгновенно выводит меня из равновесия.

— Долго будешь молчать? — начал он.

— Мне нечего сказать. Тебя ждёт твоя девушка...

— Сара — моя подруга. Не девушка.

— Это сейчас так модно?

Дилан сделал шаг вперёд.

— Ревнуешь?

Это было уже слишком. Мои глаза, должно быть, стали размером с пятаки, и я, наверное, выглядела до смешного, как барышня из викторианского романа, готовая в любую секунду картинно хлопнуться в обморок. Но в груди у меня всё бурлило от его безграничной наглости. Я замерла с приоткрытым ртом, чувствуя себя абсолютно глупой рыбкой, попавшей в сети его, до противного, дьявольского обаяния.

— Снова не оценила шутку? — он открыл мне дверцу и протянул руку.

— Ха-ха-ха, — выдавила я и села на сиденье сама.

— Доброй ночи, — сказал он и направился к дому, на пороге которого его ждала Сара.

— Ты ему нравишься, — констатировал отец. — Присмотрись к нему, Дилан Эванс — хорошая партия.

— Партия в домино? — усмехнулась я.

— Достойный мужчина, милая, — вздохнула мама.

— Мы не в семнадцатом веке, мама, чтобы меня выдавать замуж по расчёту! Если он мной и увлётся, то в наше время нормальные люди начинают с ухаживаний, а не... — слова застряли у меня в горле, растворяясь в бессильной злости на весь мир.

Злость... Но это же не я. Я уже ровным счётом ничего не понимала.

Я прижалась лбом к холодному стеклу, словно пытаюсь охладить пылающий разум. Как же мне сейчас не хватало Одетт! Она бы, скорее всего, сказала расслабиться и наконец-то получать от происходящего удовольствие. Может, я и вправду слишком строга к нему?

Завтра — чаепитие.

Да, самая сложная глава в моей жизни начиналась не с пышного пролога о великой любви, а с банального приглашения на чай...

20 декабря 1989 года, Лондон

«Три часа... Три часа ночи, и сон упорно обходит меня стороной. Возможно, выплеснув этот водопад мыслей на бумагу, я наконец обрету хоть какое-то освобождение.

Мама с папой подталкивают к сближению с ним. Его мать, без сомнения, будет настаивать на том же. На чаепитие к ним просто так не приглашают. А я? Я просто думаю о нём, и эта мысль, как навязчивая мелодия, не желает покидать мою голову.

Я открыла Шекспира, прочла его сонеты, надеясь хоть немного отвлечься. Тщетно. Его имя, казалось, проскальзывало между каждой строчкой, таилось в каждом слове. И теперь я поняла: истинное безумие — это не лихорадка, не сумасбродные поступки, несовместимые с рассудком. Безумие — это изводить себя мыслями о нём все эти бесконечные часы напролёт... и, вопреки всему, снова желать вступить в нашу бесконечную словесную дуэль».

19 декабря....

Безумие — это изводить себя мыслями о нём все эти бесконечные часы напролёт...

Глава 11

20 декабря 1989 года, Лондон

«Будь смелым, мальчик мой влюблённый,

На свет печали не яви.

Не то от Сельи непреклонной

Ты будешь тщетно ждать любви...»

Томас Кэрю, «Смелость в любви»

Мама осыпала меня напутствиями, провожая на чаепитие к миссис Эванс — от выбора наряда до причёски. Ночь я почти не спала и надеялась отоспаться хотя бы до десяти, но родители решили, что семь утра — идеальное время для сборов. Мама настаивала на платье с цветочным принтом, но я надела вязаную кофту и длинную шерстяную юбку. На дворе стоял декабрь, а не весна. Я не собиралась болеть ради показухи. У двери ждали мои белые сапожки на шнуровке. Никакого макияжа, распущенные волосы и пустой, уставший взгляд — вот моя роль на сегодня.

Их водитель смотрел на меня снисходительно. Видимо, он уже давно научился безошибочно отличать элиту от простых смертных. Но, несмотря на наш статус, я улыбнулась ему — меня учили ценить людей, а не их положение. Пусть знает.

По его растерянному лицу было видно, что он этого не ожидал. И в ответ его лицо озарила улыбка — маленький лучик надежды, что дорога до особняка Эвансов пройдёт в приятной обстановке.

Так и вышло. Он рассказывал о своей семье, детях, о щемящей тоске по ним. Эта работа — его единственный заработок.

Всю дорогу мы провели в тёплых, душевных беседах. Я даже порекомендовала пару книг о любви — ведь его жена, как выяснилось, любила читать.

Когда ворота особняка распахнулись, я невольно съёжилась. Он это почувствовал — и его улыбка уступила место настороженной серьёзности. Мы оба играли свои роли.

На улице стоял Дилан. В тёмной водолазке, клетчатых брюках, с зализанными назад волосами. На плечах — накинутое пальто. Он смотрел на подъезжающую машину. *Или на меня.* А я, замороженная, не могла отвести от него взгляд. В голове сами собой зазвучали строки Кэрю, и я начала бубнить их себе под нос:

«Не расцветёт она пред ним.

Но, если луч звезды дневной

Ворвётся пылко в мир земной, —

Цветок прелестный в тот же миг

Откроет солнцу чистый лик».

— Всё в порядке, мисс? — тихо спросил водитель, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Всё хорошо. Просто вспомнилось.

Машина остановилась, и Дилан тотчас открыл дверцу. Я протянула руку, и он помог мне выбраться.

— Рад тебя видеть, «недотрога».

— Я бы ответила тем же, но это прозвучало бы как издевательская лесть. Как любезно с твоей стороны, что по маминому распоряжению ты составишь мне компанию. Я ведь не ошиблась, и чай мы будем пить вместе?

— Нет. Чай — с мамой. А вот после — кофе со мной.

Я на мгновение застыла. Наше последнее кофе закончилось его уходом и моими сомнениями. Но на этот раз я не стала сопротивляться. Острую шпагу своей резкости решено было вложить в ножны. Хотя бы на время. Мне хотелось узнать его ближе. Не из-за родительского

давления, твердившего, что он — «идеальная партия». А потому что под маской ухоженного красавца из высшего общества я разглядела целеустремлённого юношу, который, как и я, играл не свою роль.

— Хорошо. Тогда я буду держать мысли при себе. Вдруг снова задену твоё чувство юмора. А точнее — вдруг ты снова сделаешь вид, что его не понял.

Дилан поднёс мою руку к губам. Тепло разлилось мурашками, а грубая шерсть свитера под пальто вдруг показалась невыносимо колючей. *Надо было надеть что-то тоньше...*

— Смотрю, у тебя сегодня хорошее настроение. Мне нравится. Постарайся сохранить его до нашей прогулки.

Я взяла его под руку, и мы направились к дому. Дилан вёл себя как галантный кавалер, и это завораживало. Сняв в холле моё пальто, он внимательно окинул взглядом мой наряд. Что ж, да. Неброско. Небогато. И совсем не в стиле его Сары.

— Мне нравится, что ты остаёшься собой, — сказал он.

— Спасибо. Я не люблю показную клоунату. Один знакомый как-то обронил эту фразу, и я её запомнила.

Дилан улыбнулся. Он оценил. Казалось, мы начали понимать друг друга в нашей битве умов. В его серых глазах я разглядела проблески робости и нежности — несколько страниц его пока ещё незнакомого характера я пролистала с высоко поднятой головой.

— Хороший у тебя знакомый... — он наклонился, и его шёпот обволакивал меня, лениво касаясь шеи. — Но я тоже не люблю клоунату. А вот быть «просто другом» не в моих правилах.

Он отстранился. А я, словно припорошённая этим признанием, застыла на месте. Возникло ощущение, будто мы перенеслись в XVII век, и он, галантный обольститель, методично пробивает брешь в обороне моего сердца. Будь на мне перчатки, я бы, наверное, швырнула ему одну в лицо. Хотя нет... Платок подошёл бы куда лучше. Его уровень флирта с каждой встречей становился всё опаснее.

Дверь в гостиную открылась, и молодая девушка в белом платье с чёрным фартуком пригласила меня войти.

— Буду ждать, — сказал Дилан, передавая ей моё пальто. — Не бойся маму. Она очень хорошая, просто немного резкая.

Он направился к лестнице. Я провожала его взглядом, и в тот миг, когда на полпути он обернулся, наши взгляды вновь встретились. И тут я с поразительной ясностью поняла: чая мне совершенно не хотелось. Всё моё существо вдруг воспротивилось этому ритуалу. Я поймала себя на мысли, что жду не столько начала официальной церемонии, сколько её конца — того момента, когда мы наконец-то останемся одни за чашкой кофе.

— Простите, но миссис Эванс не любит, когда её заставляют ждать, — тихо, словно боясь за свою карьеру, произнесла горничная.

Я кивнула и, сделав глубокий вдох, переступила порог гостиной.

Лондон 1989

Барри Эванс и Клер Эванс. Родители Дилана и Люка.

Люк Эванс

Глава 12

На белоснежном диване сидела его мама. Один лишь её наряд — элегантный брючный костюм, аккуратно уложенные русые волосы и доброжелательная улыбка — уже вселял в меня спокойствие.

— Как я рада, что ты приехала. Присаживайся, пожалуйста, поближе. Вчера мы совсем не успели толком познакомиться. Надеюсь, вечер не оказался для тебя утомительным?

Я заняла место рядом. В ту же секунду горничная налила чай в тончайшую фарфоровую чашку.

— Нисколько. Ужин был замечательный.

— Мой сын ведёт себя прилично? — она внимательно следила за моей реакцией.

Я изо всех сил сдерживала себя, не желая выдавать ни единой эмоции.

— У вас замечательный сын, миссис Эванс. Умный, начитанный и тонко разбирается в литературе.

— Когда-то он и правда любил читать. Сейчас, конечно, его интересы сместились. Строит планы на будущее. Муж вложил в него всё — основы ведения бизнеса, стратегии успеха...

Да, родители всегда лепят из нас подобие себя. Мои — тоже, но не давлением, а мягким направлением. И я им благодарна. Мы — не копии своих родителей. Мы — продолжение. Следующая глава семейной саги, где собраны самые лучшие их черты.

— Для мужчины это похвально, — я отпила глоток тёплого чая. Сладковатого, с лёгкой терпкостью.

— Молока? — спросила горничная.

— Спасибо, не нужно.

— Значит, ты окончательно решила связать свою жизнь с издательством? — прозвучал вопрос от миссис Эванс.

— Пока это лишь первоначальный план. Не могу ручаться за будущее — оно непредсказуемо. А сейчас я полностью поглощена учёбой, наслаждаясь каждым моментом в мире литературы.

— Образование, конечно, тоже ценно, — с холодком заметила она, и в её тоне я безошибочно распознала разочарование.

Миссис Эванс явно не собиралась тратить время на бессодержательные беседы. Она изящно, но неуклонно вела меня к мысли, что её сын — моя единственная и самая выгодная «партия». Стало ясно, откуда у Дилана эта патологическая непереносимость отказов. Только Дилан действовал куда прямолинейнее.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Какие планы на Рождество? — спросила она, протягивая горничной свою чашку. — Молока, пожалуйста.

— Проведу его с семьёй. Дома. Приготовим с мамой чизкейк «Сан-Себастьян». Будем наслаждаться обществом друг друга, подарками, музыкой...

— Очень мило, — она не переставала меня изучать. — Не хотите присоединиться к нам?

Я боялась ответить неправильно, но праздновать с ними точно не хотела.

— Я невероятно признательна за ваше приглашение и искренне надеюсь, что вы меня поймёте. Но Рождество — это исключительно семейный праздник. И лично мне хотелось бы провести его не в парадном платье, а в пижаме, весело болтая с папой и обнимая маму на диване.

— Разумеется. Семья — это превыше всего.

Последующий час пролетел в её монологе о семейных ценностях, браке, достижениях. Но Дилана она ни разу не упомянула. Зато о Люке рассуждала охотнее — какой он «сопливый мальчишка», ещё не способный постичь отцовские бизнес-стратегии. Мне даже стало его жаль.

Я украдкой бросала взгляды на дверь, медленно потягивая остывший напиток, и моё недоумение лишь росло.

— Дилан сказал, что вы договорились выпить кофе в городе, поэтому не буду тебя задерживать. Мне было очень приятно провести с тобой время. Буду рада видеть тебя в нашем доме.

Миссис Эванс поставила чашку и встала. Я машинально поднялась вслед за ней. Она приблизилась и едва заметно поправила мой свитер.

— До встречи, — холодно обронила она и вышла.

Распахнув дверь, я обнаружила Дилана, беседующего с Люком.

— Она твоя, — бросила ему мать и тут же скрылась.

Эти слова прозвучали как приговор, лишая меня воздуха. Будто я только что покинула алтарь, а не просидела час за чашкой чая. Люк улыбнулся, его шаги были быстрыми, когда он подошёл ко мне.

— Мама, наверное, утомила? — спросил он.

Я, даже не взглянув на него, отрицательно покачала головой. Дилан наблюдал за мной с той самой самодовольной ухмылкой. Мне до боли хотелось кофе. И срочно покинуть это место.

— А может, куда-нибудь рванём, оторвёмся? — Люк буквально фонтанировал вопросами.

— У нас иные планы, — жёстко бросил Дилан, направляясь ко мне.

Люк обречённо плюхнулся на диван.

— Ладно-ладно, — махнул он рукой. — Принесите мне чаю! — крикнул он, скорее себе, чем горничной.

— Поехали? — Дилан протянул ладонь, и я вложила в неё свою.

Через холл мы шли уже, держась за руки. Он ловко помог мне надеть пальто и, снова перехватив мою руку, повёл к своей машине. Последние крохи сопротивления без следа растворились.

Машина скользила по *трассе А3*. За окном мелькали виллы *Ричмонда*, а я боялась смотреть на него, наблюдая за трубами электростанции *Баттерси*.

Он вдруг резко остановился на обочине. Я повернула голову — Дилан уже метнулся из машины, обошёл её и, распахнув мою дверь, протянул руку.

Мы стояли посреди дороги, где очертания моста расплывались в туманной пелене. Эта дымка схлопнула мир до нас двоих. Вот — мы. И ничего больше, кроме теней.

— Мама тебе что, «молчанку» в чай подсыпала? Ты не проронила ни слова за всё это время.

— Ты из-за этого остановил машину?

— Нет... — выдохнул он.

Его ладони обхватили мои щёки, и его губы мягко, но властно прижались к моим. Это был не долгий, обволакивающий поцелуй, а короткое, стремительное прикосновение, которое в один миг перевернуло мой внутренний мир. Он резко убрал руки, но его глаза не отпускали моих. Я никогда прежде не целовалась. Мои сжатые губы, наверное, не дали ему желаемого ответа. Но место их соприкосновения горело так, словно его отметили клеймом.

— Это было... — начала я. — Неожиданно...

— Ты мне нравишься, Фет Конли.

Я отступила на шаг, с трудом скрывая улыбку, которая так и норовила вырваться наружу. По логике, я должна была возмутиться, ударить его... Но нет. Его внимания мне хотелось до дрожи. Развернувшись, я раскинула руки.

Дилан подошёл и крепко обнял меня. Мы замерли в тумане, в нашем крошечном мире, отгороженном от всего остального. Его губы нежно коснулись моего лба. И ещё одна, совершенно неожиданная, страница его книги была мной прочитана — страница чистой, беззащитной нежности. Всё развивалось так стремительно, так неумолимо быстро, что внутри оставался лишь трепетный страх: а делаем ли мы всё правильно? И тут же перед глазами, как наваждение, встал образ Сары.

— А Сара? — вырвалось у меня.

— Я же объяснял, она моя подруга. Её отец — партнёр моего. Мы дружим с самого детства.

— Дилан, я... мне...

— Ты боишься?

— Да, немного... Это... всё не так. Не по...

— Всё будет, Фет. Поехали пить кофе.

И он снова поцеловал меня. Долго. Размеренно. *Правильно*. Он не торопил ни секунды, словно вписывал каждый миг в историю, которую мы начали творить вместе. По телу пробежали табуны мурашек, и даже колючий свитер растворился — его объятия были так сильны, что ощущалось лишь живое тепло. В щеках пылал пожар. Это было так невероятно прекрасно, что я впервые поняла глубину чувств романтических героинь...

Но каждый раз, когда он отстранялся, чтобы провести большим пальцем по моей щеке, меня пронизывала странная оторопь. Не из-за него — а из-за фатальной неизбежности. Хрупкая преграда между нами рухнула, и дороги назад, в размеренный мир осторожных шагов и рассуждений, больше не существовало.

Его губы вновь настигли мои, и трепет с жаром, слившись воедино, унесли меня в неведомость.

А потом пришло головокружительное прозрение: первый поцелуй — это и есть первая строка новой, ещё не написанной нами книги.

20 декабря 1989 год, Лондон

«По дороге мы ненадолго застряли в пробке на Найтсбридже, и я невольно бросила взгляд на вереницу сверкающих огней рождественской ярмарки в Гайд-парке. Представила, как бы сейчас сидела там с Одетт, грея ладони о гигантский стакан дымящегося какао, хихикая над забавными безделушками...

Но сегодня я смеялась с ним. Долго. Искренне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.